

## БОЛЬШИЕ И КНИГИ

# Джамбаттиста Базиле

# СКАЗКА СКАЗОК

« И Н О С Т Р А Н К А »

**Джамбаттиста Базиле**  
**Сказка сказок, или**  
**Забава для малых ребят**  
**Серия «Иностранная**  
**литература. Большие книги»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69215920](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69215920)*

*Сказка сказок, или Забава для малых ребят:*

*ISBN 978-5-389-23194-8*

**Аннотация**

Имя Джамбаттисты Базиле (1583-1632), автора «Сказки сказок», совсем недавно стало известно русскоязычному читателю, и тем не менее ему неплохо знакомы истории Базиле – в переложении Шарля Перро, Карло Гоцци и братьев Гримм. У автора-неаполитанца, однако, эти бродячие сюжеты нередко обретают совсем неожиданную окраску: у него и золушка в состоянии дать достойный отпор мачехе, и спящая красавица после пробуждения ведет себя далеко не лучшим образом...

Фривольные и даже жестокие сюжеты, вмешательство фей и орков, герои, которые не лезут за словом в карман, горячность юности и уныние старости, назидания и приключения – все это вместились в пятидневный сказочный марафон, в пятьдесят

занимательных и поучительных историй (отсюда и еще одно название книги – «Пентамерон», «пятидневник»).

Издание проиллюстрировано работами английского художника Уорвика Гобла.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

# Содержание

Об этой книге	6
Об авторе	27
Сказка сказок, или Забава для малых ребят	40
Вступление	40
День первый	57
Сказка про орка	57
Миртовая ветка	72
Перуонто	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

# **Джамбаттиста Базиле**

## **Сказка сказок, или**

### **Забава для малых ребят**

© П. Елифанов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

# Об этой книге

Миллионы детей и взрослых на всех пяти континентах знают сказки про Золушку, Кота в сапогах, Спящую красавицу. Преодолевая века, расстояния, политические и языковые границы, они давно стали такой же неотъемлемой частью общечеловеческой культуры, как поэмы Гомера и Данте, драмы Шекспира или проза Достоевского. Однако мало кому известно, что эти и многие другие сказки, прочно связанные с именами Шарля Перро, Карло Гоцци и братьев Гримм, являются переложениями из книги «Lo cunto de li cunti» («Сказка сказок»), вышедшей пятью томами в 1634–1636 годах в Неаполе. На титульном листе книги стоял псевдоним, которым была подписана ее рукопись: Джан Алессио Аббаттутис, а в предисловии пояснялось, что книга написана кавалером Джамбаттистой Базиле, недавно умершим, издается заботами его сестры и посвящается покровителю покойного – сиятельному Джан Галеаццо Пинелли, герцогу Ачеренца.

И вот, спустя почти четыре века, вы держите в руках первое издание на русском языке этого первого в европейской истории сборника сказок – книги, влияние которой в той или иной мере затронуло, вероятно, всех больших писателей-сказочников нашего континента. Если же говорить о влияниях опосредованных, их следы можно обнаружить и у писателей, которые самого Базиле не читали, имея дело

лишь с переработками, – например, в сказках Пушкина, в «Коньке-горбунке» Ершова и даже в «Уральских сказках» Бажова.

Европейскому читателю «Сказка сказок» известна давно: она трижды переведена на немецкий, четырежды на английский, как минимум дважды на французский языки. Совсем недавно, в 2014 году, вышло венгерское издание. При этом первый перевод книги с неаполитанского диалекта на общепринятый итальянский был опубликован лишь в 1925 году, на полвека позже, чем сказки Базиле получили известность в Новом Свете. Обстоятельства развития итальянской культуры в XVIII и XIX веках были таковы, что заново открыть для себя книгу неаполитанского сказочника нация смогла менее столетия назад. Вот и русский перевод мы не назовем запоздалым: национальной культуре, чтобы хорошо расслышать тот или иной голос извне, бывает надобно пережить и осмыслить нечто свое.

Первый приходящий на память пример – Данте. Притом что русский XIX век знает девять полных или частичных переводов «Божественной комедии», ни один из них не имел такого успеха, какой достался переводу М. Л. Лозинского, выполненному среди бедствий и тревог Великой Отечественной войны. Причина этого не в сотысячных тиражах советских государственных типографий. Все станет яснее, если мы проследим, как в годы, предшествующие труду Лозинского, менялось место Данте в мысли и творчестве рус-

ских поэтов. Из обобщенно-символического образа («ветхий Данте» Пушкина, «Данте с профилем орлиным» Блока) в 1920-е и 1930-е годы он становится живым собеседником, спутником по историческим мытарствам, катастрофам России и мира. Здесь сразу приходят на память и «Разговор о Данте» (1923) Мандельштама, и обращения к флорентийскому поэту в стихах Ахматовой, и посвященная ему большая книга Мережковского (1937).

Серьезное восприятие Базиле на русской почве также нуждалось в подготовительном периоде. Если говорить об опыте чисто литературном, главное место принадлежит, пожалуй, прочтению Пруста и Джойса. Прустовский поток эпизодов, эмоций, предметов прошлого, из которого воссоздается огромный и цельный мир детства; апофатическое воскрешение целостного бытия из мрака и хаоса – цель стиливой игры в «Улиссе» Джойса – все это мы узнаем в книге Базиле, написанной тремя веками раньше. Афоризм Джойса «комичность – это космичность» вообще стоит того, чтобы его поставить к ней эпитафией. Но еще важнее для нас – наш национальный исторический опыт, пережитый в слове, в языке. Самым впечатляющим памятником такого переживания в русской литературе являются рассказы и повести Андрея Платонова. У Платонова язык – авторская речь и речь персонажей – перерастает собственно текст, поднимаясь до уровня живой силы, властно выстраивающей как отдельные судьбы персонажей, так и судьбу всего изображен-



ного писателем людского мира. Без этого языка сейчас кажется невозможным понять человека послереволюционного столетия. Это не только культурный портрет эпохи, не только энциклопедия нравов. Не описание, не сюжет, но именно язык становится у Платонова наиболее полным свидетельством трагедии<sup>1</sup> человека в ее конкретно-историческом аспекте.

О том же самом – сквозь вечные, древние сказочные сюжеты – свидетельствует и речевой стиль Джамбаттисты Базиле. Между писателями, разделенными более чем тремя веками, обнаруживается прямая общность художественного метода. Выберем наудачу фрагмент из «Ювенильного моря» Платонова, который Базиле, несомненно, горячо одобрил бы, узнав в нем черты собственного письма и даже собственной интуиции:

...То стоял в глубоком размышлении Умрищев, держа ветхую книгу в руках {...} Он не заинтересовался конными людьми, ответил только на привет Вермо и дал необходимое разъяснение: что колхоз его отсюда недалеко – виден даже дым утренних похлебок, что сам он там отлично колхозирует и уже управился начисто ликвидировать гнусную обезличку и что теперь он думает лишь об усовершенствовании учета:

---

<sup>1</sup> Слово «трагедия» здесь употребляется не в разговорно-бытовом или журналистском значении слова, но с отсылкой к древнегреческой трагедии, а также к программной статье молодого Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1871).

учет! – Умрищев вдруг полюбил своевременность восхода солнца, идущего навстречу календарному учтенному дню, всякую цифру, табель, графу, наметку, уточнение, талон – и теперь читал на утренней заре Науку Универсальных Исчислений, изданную в 1844 году и принадлежащую уму барона Корфа, председателя Общества Поощрения Голландских Отоплений. Одновременно Умрищев заинтересовался что-то принципиальной сущностью мирового вещества и предполагает в этом направлении предпринять какие-то философские шаги.

Платонов смотрит на причудливые кувыркания сырого человеческого ума, подхваченного революционным вихрем, с жалостливой улыбкой, сознавая, что не только в этой взбаламученной стихии, но и в любой «взрослой» человеческой мысли таится детство, с его мечтой и удивлением. И сквозь улыбку наблюдателя будто сам принимает участие своего персонажа. Пока живо это детское мышление, эта способность «любить своевременность восхода» и встречать утреннюю зарю в мечтательном размышлении над книгой – жив, посреди любого разора, озлобления, вырождения, и сам человек.

Базиле, обильно вводя в речь безграмотных старух перековерканные латинские термины или цитаты из Овидия или Петрарки, комически контрастирующие с описываемыми ситуациями, делает, собственно, то же самое. То он поет гимн Добродетели, неотделимой, по его мнению, от упорства в книжном учении (сказка «Два брата»), то совершенно по-

платоновски «наивной» шуткой обрушивает авторитет любой книжной теории:

Поистине удивительно, если призадуматься, что из одного и того же дерева высекают статуи богов и брусья виселиц, сидалища императоров и крышки ночных горшков; и трудно вообразить, что из одной и той же ветоши выделывают бумагу, которую, вместе с написанным на ней любовным письмом, целуют губы прекрасной женщины, и такой же точно бумагой вытирает задницу какое-нибудь ничтожество: от одной только мысли об этом потеряет разум и лучший астролог этого мира («Принц Верде Прато»).

Да так ли уж необходимо – спросят меня – сравнивать вещи столь культурно-исторически далекие? Какой в этом смысл: мир «Котлована» и «Ювенильного моря», до конца лишенный оправдания и света, мир сгустившегося и побеждающего небытия, ставить рядом с миром сказок Базиле – полным не только опасности, насилия, обмана, но и красоты, и радости, и надежды, миром, которому писатель в каждой строчке кричит «да!». Ведь если уж решиться на такое сопоставление, Платонов окажется абсолютным антиподом Базиле. «Если бы... была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время», – отзывался о «Котловане» Иосиф Бродский. В платоновских степях некуда бе-

жать от безумия, расчеловечения и смерти. После прочтения Базиле читателю хочется выйти на широкий простор, вдыхая полной грудью свежий воздух, и вслед за его персонажами бодро и смело пуститься в дальний путь.

Именно *поэтому* сопоставление не только оправданно, но представляется даже необходимым, коль скоро мы, русские читатели XXI века, хотим понять, что за книга перед нами, чем она актуальна и какую пользу способна принести нам как людям своего времени, находящимся в своей культурно-исторической ситуации. Европейские писатели-сказочники прошлых веков видели в Базиле по большей части источник фабул, пеструю мозаику, из кусочков которой можно собирать новые сюжеты. Но сказочная фабула, которую в большинстве случаев Базиле тоже откуда-то заимствует, – лишь один, не самый важный, из компонентов его творения.

Подлинно великим и многогранным произведением литературы делает книгу Базиле то, что она обращается к вечному содержанию человеческих чувств и отношений, одновременно рисуя поразительную по широте охвата картину эпохи и среды, в которой написана. «Сказка сказок» является богатейшим источником по южноитальянскому быту начала XVII века. По ней можно составить объемистую коллекцию пословиц и поговорок, список танцев, бывших как в придворном, так и в народном употреблении, каталог детских и карточных игр, словарь городского и солдатского сленга и

ругательств. По тому, как нескрываяемо увлечен такого рода коллекционированием сам автор, мы могли бы заподозрить в нем интерес, который сегодня назвали бы этнографическим. Образы, цветистые и развернутые сравнения, мелкие штрихи и детали описаний не хуже богатого музея вводят нас в материальную культуру, в общественные отношения, в повседневную жизнь всех слоев общества – от высшей знати до последней бедноты. Нам привычнее бывает представить в роли собирателя фольклора или прихотливого эстета человека со стороны – не того, кто, как Базиле, является плотью от плоти изображаемой им среды. Характерная для Базиле установка на любовное наблюдение, изучение и описание родного автору городского мира, во всевозможных подробностях повседневной жизни, воспринята им от предыдущего поколения неаполитанских литераторов. Со второй половины XVI века, после подавления испанскими властями ростков местного свободолюбия, часть поэтов и писателей избирают особый вид внутренней эмиграции, уходя от прежних тем рыцарских подвигов или галантной любви, от придворного одописания в городскую топографию и быт, воспевая улицы и кварталы, любовно оглядывая каждую черту местной культуры, местного своеобразия – в языке, нравах, музыке, играх, кулинарии... Не некая «идея Неаполя», былого или будущего, которая могла бы питать надежды на восстановление независимости, преобразование государственного строя и тому подобное, но Неаполь каков он есть теперь и

всегда, во всех светлых и темных сторонах, живущий своей стихийной жизнью помимо воли чужеземных владык, – вот предмет отчаянно-нежной любви неаполитанского поэта, сочетающего лирический пафос с грустной усмешкой. Так пишут предшественники Базиле – Велардьелло, Джован Баттиста Дель Туфо (1548–1600) и его друг и литературный единомышленник Джулио Чезаре Кортезе (около 1570–?)<sup>2</sup>. Их интонации подхватывает в своих обращениях к родному городу и Базиле:

Держи крепко, что тебе оставляю, прекрасный мой Неаполь! Кто знает, увидимся ли снова? Увижу ли кирпичи твои – пирожки обсыпные, стены твои – печенья миндальные, мостовые твои – леденцы сладкие, стропила твои – тростинки сахарные, двери и окна твои – торты сливочные? Горе мне: ухожу от тебя, Пеннино прекрасный, – иду как вслед гроба ужасного; оставляю тебя, площадь Широкая, – и духу тесно в груди моей; разлучаюсь с вами, Рощи Вязовые, – и вся жизнь моя в куски разбивается; ты прощай, улица Копейщиков, – душу мне пронзило копье каталонское; прости меня, Форчелла милая, – сердце мое, будто из клетки, наружу просится. Где найти мне другое Пуорто – пристань родную, что всего света милее? Где найду те сады Шелковичные, где Любовь мне пряла нити

---

<sup>2</sup> Кортезе, чьи даты жизни точно неизвестны, а литературная биография не лишена загадочности, был почти ровесником Базиле. Предшественником он назван здесь потому, что к теме Неаполя, к использованию в своих стихах диалекта обратился значительно раньше Базиле, вдохновлявшегося примером друга.

свои шелковые? Где еще найду Пертусо, прибежище всякого людa мастеровитого? Разве найдется другая Лоджа, где живет изобилие безмерное, где живут вкусы утонченные? Ох, коль покину я тебя, мой Лавинаро, потечет из глаз моих река многослезная! Если оставлю тебя, мой Меркато, в душе печаль клеймом останется! Если уйду от тебя, Кьяйя моя дивная, словно гору потащу каменную! Прощайте, морковка со свеклою, прощайте, капуста с тунцом жареным, прощайте, икра и молоки, прощайте, рагу и паштеты; прощай, цвет городов, прощай, краса Италии, прощай, Европы яичко расписное, прощай, всего мира зеркальце ясное, прощай, Неаполь прекрасный, лучше, чем ты, во вселенной нет и не будет; прощай навеки, город милый, где доблесть границы утвердила и красота пределы поставила! Ухожу и навсегда теперь останусь вдовцом без твоей пиньята маритата!<sup>3</sup> Ухожу из дома родного, любимого, и вас, забавы мои юные, позади оставляю! («Купец и его сыновья»).

Не удивительно ли, что этот лирико-гастрономический плач, в котором, среди приметных городских реалий, почувствованно поминаются и «Шелковицы», квартал, славный «веселыми домами», и трущобно-разбойное Пертусо – места, дающие представление о характере «юных забав» героя, – воспринимается как нечто безусловно серьезное и, более того, возвышенное, пробуждая в читателе искреннее со-

---

<sup>3</sup> Праздничное мясное блюдо (буквально: замужняя кастрюля).

чувствие? То, что выглядит пародией на патетику, звучит подлинно патетически. Почему не смешны, а трогательны чуть не до слез эти обращения к блюдам? Пища здесь оказывается метафорой семейного уюта, очага, круга родных и друзей, праздника – всего круга впечатлений, которые с раннего детства создают в человеке чувство родного, родины. Самое время вспомнить русского автора, который, так же как Базиле, искренен в своей патетике «чревного», – Василия Розанова. Это сближение «верха» и «низа» берет читателя буквально за живое, подсознательно подсказывая ему тропу возвращения в мир раннего детства, где между «верхом» и «низом» нет никакого конфликта, где физиологическое удовольствие бескорыстно, непосредственно соединяясь с чувством родного и прекрасного.

Вот еще пример. В сказке «Светлый лик» оставленная любимым девушка, которая в конце умрет от своей любви, выпускает в свой горестный монолог, вместе с поэзией плача, причитания, неудержимый поток метафор и сравнений из сугубо непоэтических сфер жизни и быта. Приводим лишь часть:

Опустила я ведро в колодез желаний любовных,  
и осталась у меня в руке только дужка! Развесила  
чистое, белое белье надежд, а с ясного неба полил  
дождь! Поставила кастрюлю мыслей на огонь желанья,  
а сверху нападала в нее сажа несчастья! <...> Насмеялся,  
натешился, насытился, кроил мне длинный плащ, а



вышла короткая куртка, обещал моря и горы, а толкнул в канаву, умыл мне лицо, чтобы оставить меня с черным сердцем! О обещания ветра, о слова-мякина, о клятвы жареной селезенки! О, хоть четыре раза услышишь, не верь, пока в суму не положишь! Огонек увидала, коника погнала; думала передохнуть малость, ан до него сто миль осталось! Сладко песни пелись, да по ветру разлетелись! Думала с ним жить, как мяско с жирком, а разбежались, как собака с котом! Думала с ним быть как ложка с черенком, а остались как лягушка с ужом! Ибо нет сил моих видеть, как другая счастливица, вытянув свои пятьдесят пять<sup>4</sup>, первым пасом всю мою надежду погубила! Как мне за шахом сразу мат поставила! Ох, Ренца-бедолага, больше мужчинам доверяй, слова пустые в пазуху собирай! О мужчины без закона и без чести! Несчастлива та, что с ними свяжется, бедняжка та, что им доверится, горемычная, кто уляжется на широкую постель, что перед нею расстилают! Но не горюй: ибо знаешь, что кто детей соблазняет, тот как мошь погибает; знаешь, что у Неба в конторе писаря не пройдохи, фальшивую справку за взятку не выпишут! И когда не ждешь, настанет твой день, ибо ту, что себя отдала в кредит, ты обсчитал наличными! Но сколько буду я обращаться к ветру? вздыхать об улетевшем, вздыхать впустую и жаловаться без успеха? Пусть он сегодня с невестой вексель подписывает, а мой рвет; а я подпишу договор со Смертью и сполна расплачусь с

---

<sup>4</sup> Выигрышная комбинация в карточной игре.

Природой! («Светлый лик»)

В этом плаче представлено все домохозяйство, очерчен широкий круг повседневных трудов, хлопот и развлечений горожанина. Мы словно рассматриваем одну из многофигурных картин Питера Брейгеля Старшего – художника хоть и географически далекого от Неаполя, но очень рано оцененного там. (Заметим, что и другие художники нидерландского Возрождения, с их звучной полифонией городской жизни, в Неаполе не только имели большой успех, но и повлияли на местное искусство.)

В другой сказке, также обращаясь от лица оставленной девушки к неблагодарному возлюбленному, автор одновременно умудряется привлекать метафоры как из кухни, так и из отхожего места. Три века спустя, прочитав внутренний монолог героини джойсовского «Улисса» Молли Блум, где эротическая тема будет сближена с темой дефекации, Карл Густав Юнг напишет автору: «Думаю, лишь чертова бабушка знает так же много о настоящей женской психике. Я – нет» (письмо, датированное августом 1932 г.)<sup>5</sup>. У Базиле речь организована, конечно, совсем не так, как хаотический поток сознания Молли, но представляется не менее психологически достоверной:

Это ли твоя великая благодарность бедной девушке за любовь ее беззаветную? Говори, ты, который даешь

---

<sup>5</sup> Письмо от августа 1932 г. Этот мотив был заимствован Джойсом из переписки с женой – Норой Барнакл.

и отбираешь! Говори, ты, который обсасываешь кость, пока не подали жаркое! <sup>6</sup>⟨...⟩ Вот бедняжка думала испечь вместе с тобой пиццу в Донато<sup>7</sup>, а теперь забавляется тем, что лапшу режет; думала сделать с тобой «потеснись, потеснись», а ты ей теперь: «разойдись, разойдись!»; думала с тобой кубок разбить, а разбила ночной горшок<sup>8</sup>; давай же, иди смелей, не заботься ни о чем, делай, как те, кто поедят и уходят не заплатив ⟨...⟩ Как мог ты сделать такой говенный трюк: вывел ее на позор всей улице, а она тебя в самом сердце носила; подложил ее себе под хвост, а она тебя выше головы поднимала; и когда она тебе как мать родная услужила, оставил ее там, куда с потаскухами ходят! Но если у Неба глаза повязкой не закрыты, если боги пробками уши себе не заткнули, то узнают они о грехе, что ты сотворил, и, когда ты не ждешь, будет тебе и сочельник с праздником, и молния с громом, и жар с поносом! («Голубка»)

Каким образом эти, казалось бы, комические ламентации способны вызвать у читателя настоящие слезы сочувствия?

---

<sup>6</sup> То есть пользуешься одной женщиной в ожидании другой, более выгодной партии.

<sup>7</sup> Поместье баронов ди Донато располагалось в зеленой прибрежной зоне, которая резко контрастировала с грязными и перенаселенными трущобами Кьяйи, находившимися неподалеку; «испечь вместе пиццу» – вместе зачать ребенка; резать тесто для пасты – иносказание, означающее болезненный разрыв.

<sup>8</sup> Разбить рюмку – символическая деталь византийского обряда венчания, метафора брака. «Разбить ночной горшок» (*rompere 'nu càntero*) – выражение, означающее: «загубить, провалить дело».

Не этим ли контрастом, соединяющим вместе условно «высокое» и условно «низкое»? Читатель чувствует себя в атмосфере совершенно домашней, интимной – там, где уместно называть абсолютно все вещи своими именами, в том круге чувств и отношений, где «низкие» и «высокие» запросы человека не отделяются друг от друга, где в человеке равно ценят и любят и «низкое», и «высокое».

Внимание Базиле к физиологии не имеет ничего общего с солдафонской склонностью к грубой потехе; но именно это со странной незрячестью ставили ему в вину писатели итальянского Просвещения. Например, аббат Фердинандо Галиани (1728–1787), философ и экономист, не чуждый и литературных амбиций, объявлял Базиле главным виновником испорченного, по его мнению, вкуса неаполитанцев:

Наш диалект был загрязнен муторными и отталкивающими образами то испражнений, то болезненных состояний, вызывающих скорее тошноту, чем охоту к чтению. Этот отвратительный вкус, заведенный Базиле и оставшийся в ходу у всех последующих писателей, вплоть до того, что ни один из них не смог остаться от него свободным, наконец наводнил и подчинил себе сцену...

В этой тираде верно подмечена связь художественного метода Базиле с народным театром. Но не Базиле «развратил» неаполитанскую сцену; напротив, он берет ее многовековые эффекты, унаследованные еще от эллинистической комедии

(напомним, Неаполь в прошлом – город греческой культуры), от римской ателланы, от Плавта и Теренция, умело используя их как сильное суггестивное средство, нанося с их помощью яркие контрастные краски, которыми создает объемные, точные, совершенно реалистичные, знакомые каждому из нас картины психофизических состояний и переходов:

Тогда девушка, слыша, как звенит у нее в пустом желудке, и не видя никого рядом, уселась за стол, чтобы пообедать, как знатная госпожа. Но вот в самый аппетитный момент ее обеда в комнату вошел миловидный слуга-негритенок, который сказал ей: «Будь здесь и не уходи, ибо я хочу взять тебя в жены и сделать самой счастливой женщиной в мире!»

Парметелла, которая со страху чуть было не обделалась от такого заманчивого предложения, взяла себя в руки и ответила согласием на то, чего хотел слуга. И в тот же миг ей была подана алмазная карета, запряженная четверкой золотых коней... («Золотой пенек»)

Феерическая ругань героев Базиле – не что иное, как обратная сторона языка любви. Те слова, которые говорят у него родители дурным детям, нельзя сказать чужому, их можно выкрикнуть в лицо только существу, которое ты безмерно, бескомпромиссно, отчаянно любишь:

Что ты сидишь еще в этом доме, нахлебник проклятый? Сгинь от меня, кусок мерзости! Уйди с глаз моих, халдей эдакий! Иссохни, чертополох

окаянный! Вон проваливай, поросенок! Подменили мне тебя в колыбели и вместо куколки, вместо красавчика, вместо ангельчика, вместо миленького моего мальчика подложили борова ненасытного!

〈...〉 Сдохни, сломи себе шею, сыночек проклятый! Чтоб тебе хребет по позвоночку рассыпали и не собрали! Вон катись с моего порога! Лучше бы мне кишки мои показали и обратно не вложили! Лучше бы меня грыжа загрызла или зуб задушил, когда ты у меня между ног пролезал. Сгинь отсюда сей же миг, и пусть дом этот жжет тебе пятки как огонь! Вытрясла уж я тебя из своих пеленок, и не считай меня больше за ту дуру, что высрала тебя на белый свет! («Сказка про орка»)

Как через брань Базиле умеет изобразить любовь и привязанность, так через внешнее «снижение» образа он добивается того, что человеческая немощь предстает хрупкой, нуждающейся в нежности и защите красотой.

Мы не имеем понятия о внешности героини сказки «Пента-Безручка», кроме того, что у нее отрублены обе руки. Но каждое упоминание автора об этом несчастном обстоятельстве лишь подчеркивает ее внешнюю и внутреннюю красоту:

Гроб, поднятый на борт, тут же открыли. И, увидев несчастную девушку, король, нашедший в доме покойника живую красавицу, помыслил, что обрел великое сокровище, хоть и плакало его сердце оттого, что этот секретер драгоценностей Амура достался ему без ручек. Доставив Пенту в свое королевство,

он вручил ее в качестве придворной девушки своей королеве. И Пента исполняла всевозможные поручения при помощи ног, вплоть до того, что вышивала, плела кружева, крахмалила воротнички и расчесывала королеве волосы, за что королева полюбила ее как родную дочь.

Вот и нас, вместе с королевой, с каждым словом автора притягивает к Пенте глубокая симпатия. Но настоящим апофеозом ее красоты становится заключительная сцена, где она после долгой разлуки радостно целует двух самых близких ей на свете мужчин – любимого мужа и брата, некогда ставшего причиной ее несчастий, – но не имеет, чем их обнять, кроме обрубленных култышек.

Пента, которая, стоя за занавеской, слышала весь разговор, вошла в зал и, как собачка, которую хозяин потерял и нашел спустя многие дни, ласкается к нему, облизывает, виляет хвостиком и выказывает тысячи других знаков радости, так и она, подбегая то к брату, то к мужу, привлекаемая то родственным чувством, то преданной любовью, обнимала то одного, то другого, с такой радостью, какую невозможно представить: все трое будто исполняли один концерт, не в силах вымолвить слова и задыхаясь от счастья.

Изображая неловкость и ограниченность взволнованных движений калеки через сравнение ее с собачкой, автор делает картину чрезвычайно рельефной; его восхищение героиней достигает здесь высшей точки – вплоть до того, что Пен-

та внезапно наделяется волшебными способностями. Накрыв обрубки рук своим передником, она отращивает их заново – как бы символически вновь порождая, воскрешая утраченные части своего тела. В этой сцене от сказки веет древним мифом, а Пента преображается в богиню, побеждающую насилие и смерть живородительной силой материнства.

Миф, то бессознательно заимствуемый автором через фольклорный сюжет, то сознательно создаваемый (яркий пример – сказка «Семеро голубей»), представляет собой отдельный пласт в сборнике Базиле. Большинство его сказок – сказки о странствии. И очень выделяются из них те, в которых странствует героиня. И вот что важно. Если герой-мужчина ищет в странствиях реализации себя самого, то странствие женщины у Базиле, как правило, несет спасение; она или спасает мужчину, или восстанавливает гармонию, нарушенную совершенным им преступлением. Так через барочную сказку мы прикасаемся к древним мифам о странствии богини – к шумеро-вавилонской легенде о схождении Иштар в преисподнюю; мифам об Исиде, о Деметре; к христианскому апокрифу о хождении Богородицы по мукам.

С искусством, обладающим удивительной мощью и притягательностью, из материала пестрого, грубого, часто неприглядного или отталкивающего, писатель воссоздает целостный облик человека и окружающего его мира. А еще это –



образ души неаполитанца, включенный в панораму городской жизни – подчас дикой и в то же время прекрасной, где ты должен всегда держать ушки на макушке, всегда должен быть готов к бою, но где, кроме опасностей, тебя ждет чистая радость и где возможны даже самые настоящие чудеса. Отметим и то, что картина не утратила свежести до наших дней; Неаполь и неаполитанцы XXI века великолепно узнаются в этих старинных текстах.

Итак, перед нами настоящая, сильная проза. Перед нами образец того, как в сказочной форме достигается самый настоящий реализм. Больше того, именно сказочная форма и делает эти произведения реалистичными *вполне*. Ибо мир реальный не тождествен тому ограниченному временем и пространством миру личного или коллективного опыта, что служит предметом для таких жанров, как роман или рассказ. Реальный мир, понимаемый как вся совокупность времени и пространства, предполагает бесчисленные, в том числе еще неведомые, возможности; эти возможности и раскрываются через сказку.

И хотя сказки Базиле, со всей очевидностью, предназначены для взрослых, подзаголовок книги «Lo trattenemiento de peccerille» («Забавы для малых ребят») не кажется только шуткой. Автор делает так, что, переживая вместе с его героями зло и несовершенство мира, мы приходим к детскому взгляду на этот мир. Всамделишные опасности и тяготы предстают игрой, а детская считалка или тарабарский

стишок оказываются волшебными формулами, способными преобразить мир, выявить его сокровенную реальность, подобно тому как Золушка из запечной замарашки преображается в невероятную красавицу, предмет воздыханий молодого короля.

В сказке Золушка становится той, кто она есть на самом деле. В истории культуры – Золушка из персонажа книги, написанной четыре века назад на неаполитанском диалекте, становится «суперзвездой» мировой цивилизации. Так и нам, людям XXI века, книга Базиле в силах открыть по-новому самих себя; помочь сквозь наше «высокое» и наше «низкое» пробраться к тому, что есть подлинно мы, во всей нашей сокровенной глубине и целостности, в сознательном и в бессознательном, в истории и в будущем, в наших мечтах и надеждах.

## Об авторе

Джамбаттиста Базиле родился в городке Джульяно (одном из предместий Неаполя) в феврале 1566 года и 25-го числа того же месяца был крещен в местной церкви Святого Николая. Фамилия Базиле, распространенная и поныне, имеет греческое происхождение. Прежде ее и произносили на греческий манер: Василе. Надо полагать, предки писателя обосновались здесь в те далекие времена, когда Неаполь был греческим полисом, а сами земли Юга Италии назывались Великой Грецией<sup>9</sup>. Мелкий дворянин, вассал могущественных герцогов Пинелли ди Ачеренца, Джанджакомо Базиле и его жена Ландония имели шестерых сыновей и трех дочерей. Богатством семья не отличалась, зато талантов и пассионарности ей было не занимать. Все братья и сестры Базиле достигли успеха на музыкальном поприще; в том числе брат Лелио был одаренным композитором, а сестры – известными певицами. О юности, образовании и занятиях будущего писателя в раннюю пору его жизни мы почти ничего не знаем. Известно, что Базиле с юности писал стихи, надеясь некогда стяжать славу поэта. По частым цитатам и аллюзиям из древне-

---

<sup>9</sup> Первые поселения греков в Италии, основанные еще в VIII в. до н. э., – Питекуссы и Кумы – находятся недалеко от Неаполя. Сам Неаполь ведет свою историю с V в. до н. э. Кварталы его исторического центра сохранили первоначальную античную планировку.

римской и итальянской литературы можно судить о его хорошей, но не слишком выдающейся начитанности. Греческую литературу наш герой, по всей видимости, в оригинале не изучал, зная ее разве что по латинским переложениям. На поэтов — от Овидия до Петрарки и Саннадзаро — он ссылается много и охотно, иногда по-школярски их пародируя; зато имена философов и обрывки их изречений проходят у него только в порядке шутки, из чего можно сделать вывод, что ни Аристотель, ни Фома Аквинский в годы учебы его не привлекали. Если он и поступал в университет, то навряд ли его закончил. В сказках и эклогах Базиле подчас так живо касается темы разбитной молодости, что возникает вопрос, не о себе ли он пишет:

...Сынок растет, как на навозе сорняки,  
цветет и крепнет, что твоя капуста.  
Ты в школу шлешь его, бесчисленные дни  
слепить глаза премудростями книг;  
и вот, когда в твоих мечтах  
он без пяти минут эксперт наук,  
нежданно увернувшись из-под рук,  
он ускользает на опасную дорогу,  
с бабенками якшается дрянными,  
проводит дни в компании прохвостов,  
в каких-то в драках бьет, иль бьют его,  
грозит то писарям, то брадобреям...  
И так упарит, в пот введет такой —  
из дому сгонишь собственной рукой!

(«Парная»)

В 1603 году Джамбаттиста Базиле, тридцатисемилетний холостяк, поступил наемным солдатом в войско Венецианской республики. Венеция считалась одним из главных врагов Испанской империи, подданным которой был Базиле; условия службы могли заставить его воевать против сограждан и, как следствие, навсегда оторвать от родины. Весьма вероятно, что на этот шаг его вынудили какие-то чрезвычайные обстоятельства, о которых, в отсутствие точных данных, лучше не гадать.

Около пяти лет Базиле служит в гарнизоне Кандии – венецианской колонии на Крите, участвуя в обороне острова от турецких нападений. Вероятно, здесь он выказывает немалое мужество и боевую сноровку, так как вскоре делается офицером. В периоды затишья он посещает литературный клуб, носивший, в духе времени, название юмористическое – «Академия чудаков», который объединял любителей слова из числа венецианской знати, военных и чиновников. Продолжая поэтические занятия вдали от родины, Базиле в это время сочиняет стихи не только на литературном итальянском, но и на неаполитанском наречии. Впрочем, если первые, весьма подражательные, он подписывает настоящим именем и стремится обнародовать печатно, то для вторых, куда более искренних и ярких, придумывает анаграмматический псевдоним: Джан Алессио Аббаттутис, и они доходят

до читателей лишь устным путем или через переписку. Все, написанное Базиле на диалекте, будет опубликовано только после его смерти.

В 1608 году Базиле возвращается в Неаполь в звании капитана пехоты, но без средств,

ибо бедному солдату  
с военной службы суждено уйти  
в обносках с дырами или с дырой в груди, —

как напишет он спустя много лет. Пока Джамбаттиста вел суровую и полную опасностей жизнь среди грохота пушек, его сестра Андреана<sup>10</sup> благодаря голосу, артистическому таланту и красоте получила известность в качестве лучшей певицы Неаполитанского королевства. Андреана, будучи младше брата на четырнадцать лет, стала для него настоящим добрым ангелом. Состоя в то время в придворной капелле одного из богатейших магнатов Юга, князя Луиджи Карафа ди Сильяно, она помогла и брату поступить в свиту своего покровителя, любившего окружать себя талантливыми и умными людьми. Базиле становится придворным стихотворцем, устройтелем маскарадов и спектаклей. На несколько лет его жизнь обеспечена и укрыта от внешних невзгод за стенами роскошного княжеского дворца. Но как угнетала его эта роскошь, возносящаяся, как остров, над морем нищеты го-

---

<sup>10</sup> Это подлинное имя певицы, более известной под именем Адриана.

родского плебса, можно понять из его собственных стихов.



... Кто гонится за нравами двора <...>  
колдуньей злою будто зачарован,  
бежит за тенью, ловит буйные ветра,  
глотаёт запахи с чужих жаровен,  
надеждами надув себе кишки,  
ловя из мыльной пены пузыри,  
что лопаются на лету! Он, рот открыв,  
дивится этой роскоши, как пьян,  
сменять готов бесценную свободу  
на бархатный засаленный кафтан,  
на право слизывать подливку с сковородок!

(«Капель»)

Очевидно, что жизнь придворного, среди лести и паутины интриг, не удовлетворяла Базиле. Правда, теперь он каждый год мог издавать книжицы своих стихов, пестрые по жанру и содержанию, неизменно посвящая их своему патрону<sup>11</sup>, – «Увлекательные зловключения», «Эклоги любовные и траурные», «Покинутая Венера», «Плач Девы» и другие. Но обмануть себя насчет их достоинства автор не мог, да и давались эти внешние знаки успеха слишком дорогой ценой. Ведь придворный поэт, как пишет сам Базиле,

тех славит, кто ни в грош его не ставит,  
тех возвышает, кто ему грозит,  
тем памятник навеки воздвигает,

---

<sup>11</sup> Как и в позднейшие времена, это делалось в благодарность за пожалованные на издание деньги.



кто даже час ему не уделит.  
Ночей бессонных вдохновения лелеет  
для тех, кто фиги вяленой ему жалеет!  
Как свечка оплавляється, горя,  
так век его задешево растрочен;  
других бессмертной славою даря,  
он сам – от униженья плачет.

(«Капель»)

В эту же пору Базиле устанавливает связи в среде неаполитанских литераторов и интеллектуалов, войдя в так называемую «Академию досужих», где дружески общались не только итальянцы (поэты Дж. Б. Марино и Дж. Б. Мансо, физик и алхимик Дж. Б. де ла Порта, юрист Дж. А. ди Паоло, писатель и историк Дж. Ч. Капаччо и ряд других), но и просвещенные испанские аристократы и чиновники; среди них – поэт и прозаик Франсиско Кеведо, служивший секретарем вице-короля.

Однако наиболее существенное значение и для карьеры, и для литературной судьбы Базиле имело не столько общение в среде городской элиты, сколько преданная любовь младшей сестры. В 1610 году Андреану пригласил в свою певческую капеллу Винченцо Гонзага, герцог Мантуи. Его сын Фердинандо, услышав ее пение в Риме, писал своему отцу:

Она оставила бессмертную славу о себе в этом городе, изумив его, как поистине первая женщина в мире не только по искусству пения, но также и по

скромности и чести.

Напоминание о чести и скромности певицы было не лишним для старого герцога, известного как страстью к музыке, так и женолюбием. Андреана поехала вместе с мужем и детьми; судя по тому, что мы знаем, она пользовалась при дворе огромным уважением. За десять лет, проведенных в Мантуе, она действительно, как предчувствовал Фердинандо Гонзага, получила всеевропейское признание. Среди блеска и почета Андреана не забыла о братьях и сестрах, выпросив для них места в герцогской капелле. В 1612 году прибыл в Мантую и Джамбаттиста. Как автор текстов мадригалов, арий, музыкальных драм, с которыми выступала сестра, он получил от герцога то, о чем дерзко было и мечтать мелкопоместному дворянину, – графский титул. Даже не подкрепленный большими земельными владениями, он давал шанс на высокие должности при дворах всей Священной Римской империи, то есть в Австрии, Германии, Испании и в вассальных государствах последней<sup>12</sup>. Вскоре после этого на родине, в Джульяно, сорокашестилетний Базиле отпраздновал свадьбу с двадцатичетырехлетней местной уроженкой Флорой де Альтерио. То, что в церковных архивах Джульяно не сохранилось записей о детях этой пары, не обязательно свидетельствует о бесплодии брака. В годы службы в разных городах и феодах Южной Италии Базиле мог там и крестить сво-

---

<sup>12</sup> Императоры династии Габсбургов считались верховными сеньорами герцогов Мантуи.

их детей. Описания рождения ребенка и родительских эмоций, которые мы встречаем в «Сказке сказок», носят очень непосредственный, интимный характер, – и хочется думать, что нашему герою довелось познать радость отцовства. Но как бы то ни было, прямые продолжатели его рода неизвестны<sup>13</sup>.

В последующие годы Базиле служил во владениях герцогов и князей Юга Италии. Феодальные домены имели автономную систему управления и суда, подчиненную аппарату вице-короля в Неаполе. Звеном этой системы Базиле будет оставаться, с небольшими паузами, до самого конца жизни. В поздних стихах он вложит в уста одного из своих персонажей:

...И коль чиновник из суда идет домой  
с такой же чистою сумой,  
как совесть в нем чиста —  
что было в жизни и со мной  
не меньше чем двенадцать раз! – во всех устах  
одно звучит: «нам здесь его не надо»,  
здесь служба для людей другого склада,  
вы зря его поставили сюда:  
ни заработать, ни украсть – кругом беда!

(«Крюк»)

---

<sup>13</sup> Возможно, виной этому знаменитая чума 1656 г., выкосившая больше половины населения Неаполя и окрugi.

Существующее мнение, что Базиле пишет здесь о себе, проверить нечем. Его административная карьера видится довольно гладкой; отлично зная, как нравиться владыкам мира, ценя жизненный комфорт, он не для того искал хлебных мест, чтобы прослыть чудаком-нестяжателем или гонимым правдолюбом. А вот картина, явно списанная с натуры, дающая представление о том, каких сцен ему приходилось быть свидетелем, а вероятно, и соучастником. Типичная, по словам самого поэта, жизненная ситуация. Синьор, видя, что его крестьянин немного разжился добром, начинает его систематически обирать. Тот, доведенный до отчаяния, отваживается на бунт, и...

...Коль так,  
то, бедный, лучше б мама не рожала  
тебя на свет, сломил бы лучше шею,  
когда был маленьким! В тот же миг, схватив,  
тебя забросят в яму, как в могилу,  
забив в колодки ноги, руки – в кандалы,  
на шею – цепь наденут, на решетку —  
дощечку с эпитафией: «Указ:  
к преступнику не подходить  
под наказания страхом;  
кто смеет с ним заговорить,  
заплатит шесть дукатов штрафа!»

Кричи, что хочешь, жалуйся, все средства  
изведи —  
не выйдешь, разве после всех страданий,

всех пыток, разорений и скорбей,  
каким-то чудом ты сумеешь умягчить  
мучителя. А коли не сумеешь, —  
когда, как волк, насытившись терзаньем,  
решился наконец тебя убить,  
за милость будешь ты его благодарить.

*(«Крюк»)*

Базиле изображает участь одной из жертв системы, которой служит сам. То, что в течение двадцати лет он входил в административную касту, получая все более высокие посты, не склоняет к мысли, что его стиль управления мог слишком отличаться от общепринятого.

Андреана продолжала поддерживать брата и когда его жизнь стала довольно обеспеченной. С ее помощью стихотворные сборники Базиле не раз выходили в типографиях Мантуи. В 1622 году она вместе с семьей вернулась в Неаполь, где ее восторженно встретила не только знатная публика, но и высшие чины испанской администрации, вплоть до вице-короля дона Альвареса де Толедо, герцога Альба. Находясь в зените славы, Андреана помогла и брату получить доступ к вице-королю, имевшему репутацию знатока и ценителя прекрасного. К тому времени Базиле занимал не самое низкое положение в местной иерархии — от лица князей Караччоло (одна из знатнейших неаполитанских фамилий) он управлял округом Авеллино; но теперь он приблизился к вершине олимпа вице-королевства, занимавшего половину

итальянских земель. Здесь пригодились режиссерские способности Базиле, о чем говорит хотя бы тот факт, что в 1630 году ему было поручено написание сценария и стихов для маскарадного спектакля «Гора Парнас», по случаю визита в Неаполь Марии Австрийской – сестры короля Испании Филиппа IV. Уже довольно пожилым человеком он освоил испанский – и настолько хорошо, что писал на нем стихи, поддерживая свой престиж при дворе еще и таким способом.

Последней ступенью карьеры Базиле стал пост управителя его родного города Джульяно, находившегося в феоде герцогов Пинелли (1631). Базиле исполнилось шестьдесят пять, но он, по-видимому, был еще бодр и энергичен. Его синьор Джан Галеаццо Пинелли, бывший тридцатью годами моложе, относился к нему с почтением, как к одному из признанных поэтов Юга Италии. Заседания «Академии досужих» теперь были перенесены из Неаполя в Джульяно и устраивались во двореике местного монастыря. Покровительство герцога и солидный пост могли обеспечить Базиле безбедную старость, но в следующем, 1632 году он умер во время жестокой эпидемии гриппа. В рукописях остались незаконченная героическая поэма «Теаген» (переложение романа Гелиодора «Эфиопика») и произведения на неаполитанском диалекте, которые автор не отдавал в печать при жизни. Это были цикл поэтических картин «Неаполитанские музы» и сборник из пятидесяти сказок, которым и суждено было составить славу Базиле у потомства. Их народный язык, неисто-

щимый юмор и сильные ноты социального обличения резко контрастировали с обликом феодального администратора и ловкого придворного. Деньги на издание – а речь шла, напомним, о пяти томах – пожаловал герцог Пинелли. Подготовку текстов к печати и все издательские хлопоты взяла на себя Андреана, оказав брату последнюю и самую главную услугу.

Практически все, в чем Базиле полагал свой литературный успех, вскоре оказалось забыто. И лишь оставленная в рукописи книга сказок не только обеспечила ему бессмертие, но стала ярким, поистине символическим явлением в культурной истории Неаполя, едва ли не впервые открыв миру – точно, сильно и достоверно – его неповторимый и не стареющий в веках облик.

*Петр Епифанов*

# **Сказка сказок, или Забава для малых ребят**



## **Вступление**

Есть одна пословица из старинных, – что называется, прежней чеканки: «Кто ищет, чего не подобает, найдет то, чего не хочет». Коль обезьяна в сапог влезет, потом не сможет ногу вытащить. Это и случилось с одной оборванкой, что никогда на ногах башмаков не носила, да захотела носить корону на голове. Но как водится, шлифовальный круг все огрехи стачивает; если хоть один имеешь – со всех сторон те-



бя отчистит; так вышло и здесь: обманом присвоив принадлежащее другим, она кончила как колос в молотилке; и сколь высоко забралась, столь худо было ей падать. И вот как это было.

Рассказывают, что некогда у короля страны, называемой Валле Пелоса<sup>14</sup>, была дочь по имени Зоза и была она задумчивой, словно некий Зороастр или Гераклит, так что вовсе никогда не смеялась. И бедный отец, который прямо-таки дышал единственной дочкой, чего только не делал, чтобы избавить ее от грусти. Желая ее развлечь, он приводил к ней то ходунов на ходулях, то скакавших через обруч, то шутов, то знаменитого маэстро Руджеро<sup>15</sup>, то жонглеров, то Силы Геркулесовы, то танцующую собаку, то Браконере-прыгуна<sup>16</sup>, то осла, что пил из кружки, то «Лючию-сучку»<sup>17</sup>, – сегодня одно выдумывал, а завтра другое. Но все было впустую: ибо ни лекарства маэстро Грилло<sup>18</sup>, ни сардинская трава, которая, как известно, вызывает неудержимый смех, ни даже такое

---

<sup>14</sup> Название переводится как Мохнатая Долина.

<sup>15</sup> Легендарный музыкант, от чьего имени якобы получил название тип ритмических и энергичных танцевальных мелодий «руджеро», очень популярных в XVI–XVIII вв. Впрочем, вероятнее, что наоборот – популярность мелодии породила представление об авторском единстве.

<sup>16</sup> Неаполитанский уличный акробат с таким прозвищем неоднократно упоминается в стихах поэтов первой половины XVII в.

<sup>17</sup> Сольный женский танец-пантомима с ярко выраженным эротическим характером. Восходил к языческим культовым обрядам; неоднократно запрещался церковными властями.

<sup>18</sup> Лекарь на все случаи жизни, персонаж городских анекдотов.

испытанное средство, как укол шпагой в диафрагму, не могли заставить ее хоть чуточку улыбнуться. И тогда, делая последнюю попытку и не зная, что еще придумать, повелел король построить перед воротами своего дворца большой фонтан, который брызгал бы маслом на людей, сновавших по той улице, точно муравьи, и прохожим, чтобы не запачкать одежду, пришлось бы подскакивать, как кузнечикам, прыгать, как козам, перелетать с места на место, как белкам, то скользя, то сшибая друг друга. Тут-то, по мысли короля, и могло случиться однажды что-нибудь особенно потешное, что уж наверняка развеселило бы его дочь.

Итак, соорудили этот фонтан. И в один из дней Зоза, стоявшая у окна до того серьезная, будто ее замариновали в уксусе, увидела, как некая старуха, опустив губку в масло фонтана, выжимает ее в кувшинчик, который принесла с собою. И когда старуха была полностью погружена в свое дело, один дьяволенок-паж из дворца запустил камешком столь метко, что попал в кувшинчик и разбил его на куски.

Тогда старуха, у которой язык был не шерстью поросший и которая никому не позволяла влезть себе на шею, обернулась к пажу и говорит ему:

– Ах ты, грязи комок, шалопай, засранец, горшок ночной, попрыгунчик на чембало, рубашка на заднице, петля висельника, мошонка мула! Смотри, нынче и блохи яд имеют. Так пусть тебя паралич разобьет, пусть матушка твоя дурные ве-

сти получить, да чтоб тебе до первого мая не дожить<sup>19</sup>, да чтоб тебя копье каталонское достало, да чтоб тебе на веревке ногами дрыгать; как кровь даром не льется, так мои слова исполнятся, и придет на тебя тысяча бед и еще кое-что! Раз уж ты в такой путь пустился – ветер тебе в паруса: и пусть твое семя зря прольется и плода не принесет, пропойца, рвань, сын той девки, что по списку в магистрате в месяц два карлина платит<sup>20</sup>, разбойник!

Парень, у которого еще почти не было волос на подбородке, а смысла в голове и того меньше, услышав столь сочную речь, постарался отплатить старухе той же монетой:

– А ну-ка, прикрой свою сточную канаву, бабка чертова, рвоты-вызывалка, младенцев-душилка, дерьма кусок, говенный рот!

Услыхав эти новости, старуха до того рассвирепела, что полностью сбилась с компаса самообладания и вырвалась из стойла терпения: на глазах у пажа высоко задрав занавес своего убранства, она показала такую пасторальную сцену, что тут и Сильвио было самое время воскликнуть:

---

<sup>19</sup> Первое мая – во многих странах Западной Европы традиционный, идущий от язычества, праздник весны, обновляющейся природы, магии и эротики, сопровождавшийся веселыми гуляньями молодежи, играми, кулачными боями.

<sup>20</sup> В Неаполе проституток регистрировали в специальной книге, обязывая ежемесячно вносить в городскую казну по два карлина. О карлине см. примеч. 1 на с. 38.

«Идите с бодрыми очами, с рогом...»<sup>21</sup>

И когда Зоза увидела эту картину, ее так разобрало, что она чуть не умерла со смеху.

Тогда старуха, видя, что над ней смеются, разгневалась великим гневом и, обратив на Зозу взгляд, наводящий ужас, сказала ей:

– А тебе желаю никогда не увидеть, что у твоего мужа в штанах, если только тебя князь Кампо Ретунно<sup>22</sup> замуж не возьмет!

Зоза, услышав эти слова, вовсе ничего не поняла; она велела позвать старуху во дворец, ибо ей хотелось непременно узнать, просто ли та ее отругала или наложила на нее некое заклятие.

И старуха отвечала:

– Знай же, что князь, чье имя я назвала, – прекрасное создание, юноша по имени Тадео, который, по заклятию некой

---

<sup>21</sup> Базиле придает комически-обсценный смысл словам из пасторальной поэмы Дж. Б. Гварини (1538–1612) «Верный пастух» (монолог Сильвио): «Идите, окружающие / ужасного зверя, давая обычный знак / к предстоящей охоте! Идите с бодрыми / очами, с рогом, хором возвысив голоса!» Рог, который у Гварини упомянут в качестве инструмента, у Базиле становится фаллической метафорой. Публично заголиться в знак крайнего презрения к обидчику – такое бывало не только в старой Италии. В. В. Розанов наблюдал точно такую сцену на петербургской улице в 1910-е гг.

<sup>22</sup> Буквально переводится как Круглое Поле. Для придания юмористическо-сказочного колорита автор дает вымышленным государствам названия, типичные для деревень.

феи, положил последний мазок кистью на картине своей жизни и теперь лежит в гробнице у городской стены. И вырезана над ним на камне надпись, где сказано, что та женщина, которая в три дня наполнит слезами кувшин, подвешенный рядом на крючке, воскресит его и он станет ей мужем. Но поскольку невозможно одной паре человеческих глаз пролить столько слез, чтобы наполнить кувшин мерой в полбочонка (разве что, говорят, была в Риме какая-то Эгерия, которая до того плакала, что превратилась в ручей слез)<sup>23</sup>, то я, услышав, как ваше высочество надсмеялось надо мной, и послала вам это заклятие. И прошу небеса, да сбудется оно на тебе до точки ради воздаяния за обиду, что я претерпела.

Сказав это, она во весь дух сбежала с лестницы вниз, боясь, как бы слуги ее не побили.

И начала Зоза жевать да пережевывать слова старухи; и будто бесенок какой вскочил ей в голову. И когда она довольно уже покрутила мотовило дум и мельницу сомнений вокруг всего этого дела, наконец повлекла ее за собою, как лебедка, та страсть, что ослепляет рассудок и очаровывает разум. И вот она, зажавши в кулачок сколько-то монет из отцовского ларца, убежала из дворца, куда глаза глядели и куда ноги несли; и так бродила, пока не дошла до замка, где жила одна фея.

---

<sup>23</sup> Овидий передает легенду о том, что нимфа Эгерия, наставница и супруга царя Нумы Помпилия, оплакивая его смерть, превратилась в ручей («Метаморфозы», XV, 547–551).

Перед нею излила она жар своего сердца; и фея, пожалев столь красивую девушку, которую погнали в неизвестность шпоры юного возраста и ослепляющей любви, дала ей письмо для своей сестры, тоже феи. Высказав Зозе много ласковых слов и похвал<sup>24</sup>, утром, – когда Ночь через птиц огласила повсюду указ о том, что всякому, кто видел стадо потерявшихся черных теней, будет дано приличное вознаграждение, – фея подарила девушке красивый грецкий орех, говоря: «Возьми, доченька моя, да хорошо береги, но не открывай орех, разве только в минуту самой великой нужды».

После долгого путешествия пришла Зоза в замок ее сестры, где была принята с такой же благожелательностью. И на следующее утро та фея дала ей письмо к еще одной их сестре и подарила каштан с тем же предупреждением, что было сделано касательно ореха. И, проделав немалый путь, Зоза достигла замка третьей феи, которая оказала ей тысячу любезностей, а утром, когда настало время уходить, вручила ей лесной орешек, предупредив не открывать его, разве что крайняя нужда заставит.

Получив три этих подарка, взяла Зоза ноги в руки и прошла многие страны, много преодолела лесов и рек, пока наконец через семь лет – в тот самый час, когда трубы петухов подняли с постели сиятельное Солнце и оно, вскочив в

---

<sup>24</sup> Старший, независимо от пола, делает девочке или девушке комплименты. У итальянцев это всеобщее обыкновение; считается особенно уместным при знакомстве.

седло, поскакало по своим владеньям, — она пришла в Кампо Ретунно в такой великой усталости, что ноги у нее отваливались. И, не войдя еще в город, увидела близ стены мраморную гробницу, а рядом с нею — фонтан, который, видя себя заключенным в оковы из порфира, проливал хрустальные слезы. Тут же был подвешен и кувшин.

Взяла Зоза кувшин, устроила его между коленок и принялась разыгрывать с фонтаном Плавтову пьесу о двух близнецах<sup>25</sup>, вовсе не поднимая глаз от края, — так что не прошло и двух дней, а слез в кувшине набралось на два пальца выше горловины. Еще на два пальца слез, и кувшин был бы совсем полон; но тут Зозу, изнуренную столь сильным плачем, сморил сон, и ей, хоть и против воли, пришлось пару часов вздремнуть под покровом своих прекрасных ресниц.

Между тем одна служанка, с ногами черными, как у сверчка<sup>26</sup>, часто приходила набрать воды из фонтана и знала все, о чем говорит надпись на гробнице, ибо надпись это ни от кого не скрывала. И видя, как Зоза плачет, что и на два ручья хватит, принялась она за нею следить, выжидая, когда кувшин будет уже достаточно полон, чтобы неожиданно вырвать из рук Зозы этот добрый трофей, а ее оставить, как го-

---

<sup>25</sup> Пьеса Плавта «Два Менехма», приспособленная к реалиям эпохи, входила в репертуар уличного театра под названием «Близнецы».

<sup>26</sup> Рабы африканского происхождения не были редкостью в богатых неаполитанских домах. Испания и Португалия, ведущие активную работоторговлю с середины XV в., вывозили «живой товар» из Мавритании, Гвинеи, Сенегала и других стран Африки.

ворится, с мухой в кулаке.

Видя, что Зоза уснула, служанка, пользуясь случаем, проворно схватила кувшин, уставила над ним глаза и в четыре счета его наполнила. И как только кувшин наполнился до краев, князь, как бы очнувшись после долгого забытья, поднялся из своей беломраморной гробницы, сжал в объятиях эту грудку копченого мяса и повел ее прямо во дворец, с празднествами и фейерверками невероятными, чтобы взять себе в жены.

А Зоза, пробудившись, нашла кувшин пустым, а вместе с кувшином – и свои надежды, и увидела раскрытую гробницу; и сдавила ее сердце такая боль, что едва не пришлось ей предъявить пожитки на таможене Смерти. Наконец, видя, что горю ничем не помочь и что никто ее здесь не пожалеет, кроме собственных глаз, которые так плохо стерегли телку ее мечты<sup>27</sup>, медленно поплелась она в город. И здесь, услышав о празднике, что устроил князь, и о том, каких благородных кровей взял он жену, легко представила себе, как могло все это случиться, и сказала, вздыхая, что две черные вещи повергли ее на землю – сон и служанка.

Однако всякое живое существо защищается от Смерти сколько имеет сил: вот и Зоза, чтобы испытать все доступные средства, напротив дворца князя сняла себе для житья

---

<sup>27</sup> Снова аллюзия на «Метаморфозы» Овидия (I, 568–746): Ио, дочь царя Инаха и возлюбленная Зевса, которую ревность Геры обратила в телку, была похищена Меркурием, обманувшим ее сторожа – стоглазого великана Аргуса.



миленький домик и оттуда, не находя возможности увидеть кумир своего сердца, рада была хотя бы созерцать стены храма, что скрывал в себе вожаденное ею сокровище. И вот в один прекрасный день увидел ее Тадео, который все время летал вокруг той служанки, как летучая мышь вокруг черной ночи, но внезапно обратился в истинного орла, лишь только направил взор на лицо Зозы, бывшее поистине расхищением всех привилегий Природы и кличем победы в турнире Красоты.

Служанка все это заметила и стала сама не своя от злости: будучи уже беременной от Тадео, она пригрозила ему, говоря: «Коль твоя торчать в окошке быть, моя себя по пузу отлупить и Джорджетелло убить»<sup>28</sup>. И Тадео, который более всего на свете желал иметь наследника, дрожа как камыш, оторвал взгляд от Зозы, словно душу от тела, чтобы только не огорчить жену.

Тут бедная Зоза, увидев, как быстро кончилась эта чашка бульона для поддержания ее слабых надежд, и не зная, что еще предпринять, вспомнила о дарах фей. И когда раскрыла грецкий орех, из него вышел карлик ростом с младенца, премилый человечек, какого свет не видал; забравшись на подоконник, он запел с такими трелями, такими извивами да переливами, что равнялся с Компар Юнно, превосходил Пеццилло и оставлял далеко позади не только Чеккато де

---

<sup>28</sup> Чернокожая рабыня говорит на языке «твоя моя не понимай».

Потенца, но и самого Короля птиц<sup>29</sup>.

По случаю увидела его и услыхала служанка; и до того ей захотелось его иметь, что позвала она Тадео и говорит ему: «Если твоя вон того чертенка не купить, что так петь сладко, моя себя по пузу отлупить и Джорджетьелло убить». Князь, которого уже хорошо взнуздали эта арапка, тут же послал спросить у Зозы, не продаст ли она ему карлика. Зоза в ответ велела ему передать, что торговкой сроду не была, но если он хочет получить его в подарок, то она ему, конечно, отдаст, ибо ей это будет только за честь. Тадео, более всего желая угодить жене, ради наилучшего ее разрешения от бремени, принял подарок.

Как миновало четыре дня, Зоза открыла второй подарок – каштан, и из него вышла курочка с двенадцатью золотыми цыплятами, и стали они по подоконнику ходить да похаживать, пока служанка их не увидела; и тогда пришло ей столь великое желание их иметь, что пробрало ее до самых пяток. Призвала она Тадео и, показав ему эту прелестную штучку, говорит: «Если твоя курочку не купить, моя себя по пузу отлупить и Джорджетьелло убить».

---

<sup>29</sup> Прозвища знаменитых неаполитанских уличных певцов, современников Базиле. Буквально означают: «Куманек Светловолосый», «Певчий Дрозд» и «Слепец из Потенцы». Образ Орфея, окруженного или сопровождаемого сонмами птиц, известен по произведениям римского искусства (ср., например, мозаики в так называемом «Доме птиц» в Италике, Римская Испания). Название «короля птиц» дано Орфею в поэме «Вайяссеида» Дж. Ч. Кортеше, переключки с которым у Базиле весьма нередки.

И Тадео, что поддавался на такие угрозы и крутился, будто его привязали к хвосту этой ценной суки, опять послал к Зозе, предлагая дать ей любую цену, сколько запросит, за столь прекрасную курочку. От нее пришел тот же ответ, что и прежде: пусть он берет курочку даром, а о цене говорить – только время зря терять. И он, поскольку не мог без этого подарка обойтись, поневоле задумался: снова заполучив лакомый кусок, он был удивлен щедростью женщины, ибо ведь женщины по природе до того алчны, что не хватило бы им и всего золота, что вывозят из Индий<sup>30</sup>.

Когда прошло еще несколько дней, Зоза открыла и последний подарок – лесной орешек; и оттуда выскочила куколка, что пряла золотую пряжу, – дело поистине небывалое в мире. И когда она посадила ее на то же окошко, служанка тотчас увидала и, шмыгнув носом, позвала Тадео, чтобы сказать ему: «Если твоя куколку не купить, моя себя по пузу отлупить и Джорджетелло убить». И Тадео, которого взбалмошность жены крутила, словно мотовило, и за нос водила, точно теленка с продетым в ноздри кольцом, во всем ей покорный, не имея дерзости послать и попросить куколку у Зозы, на этот раз решил пойти самолично, ибо помнил пословицу: «Лучше своим лицом, чем с добрым гонцом», и другую: «Кому не нужно, тот посылает, а кому нужно, сам идет», и еще: «Кто рыбку скушать хочет, сперва пусть хвост

---

<sup>30</sup> В XVI и XVII вв. испанские владения в Америке официально назывались Индиями.

себе намочит». Он долго просил у Зозы прощения за то, что был перед нею неучтив, связанный долгом исполнять прихоти беременной жены; но Зоза пришла в восторг, оказавшись рядом с тем, кто был причиной столь многих ее приключений, и, сдерживая свои чувства, даже заставила просить себя сверх меры, чтобы задержать весла в плавании и подольше наслаждаться видом своего господина, которого похитила у нее злая служанка. Наконец, как и в прошлый раз, она отдала ему куколку. А прежде чем отдать, шепнула на ушко этой глиняной игрушке вдохнуть в сердце служанки новое неукротимое желание – сказок послушать.

Когда Тадео увидел куколку у себя в руках, не потратив на это ни сто двадцатой доли карлина<sup>31</sup>, он, пораженный такою любезностью, готов был предложить Зозе взамен ее благодетелей хоть княжество свое, хоть саму жизнь свою. Вернувшись во дворец, он отдал куколку жене; и едва лишь служанка взяла ее в руки, чтобы поиграть, как куколка, подобно Амуру, принявшему облик Аскания в руках Дидоны<sup>32</sup>, вложила ей в сердце огонь. Явилось у нее такое жгучее желание слушать сказки, что не могла она терпеть и боялась, как говорится, испортить рот и занести на свой корабль заразу<sup>33</sup>.

---

<sup>31</sup> Серебряный карлин равнялся по стоимости 120 медным монетам, называемым кавалло («конь»).

<sup>32</sup> Вергилий в «Энеиде» (IV, 84–85) описывает, как Дидона с наслаждением наблюдала черты любимого ею Энея в лице его юного сына Аскания.

<sup>33</sup> Базиле использует поговорку, основанную на магических представлениях. Считалось, что если беременная вынуждена подавлять в себе какое-то сильное

И потому позвала мужа и сказала ему: «Если твоя моя сказка слушать не дать, моя себя по пузу отлупить и Джорджетелло убить». И князь, чтобы миновать такой беды, повелел срочно объявить подданным: в такой-то день – в час появления звезды Дианы<sup>34</sup>, когда она приходит разбудить Рассвет, чтобы он хорошенько прибрал улицы, где должно будет процветать Солнце, – пускай все женщины той страны соберутся в условленном месте.

---

желание, оно перейдет к ребенку в виде нездоровой склонности. Испортить рот младенцу – еще до рождения привить ему навык ко лжи; занести заразу на корабль – примерно то же: привить некий порок ребенку, который находится в материнской утробе (в корабле).

<sup>34</sup> Народное название Венеры, переделанное из латинского *Stella diurna*, то есть «Звезда, возвещающая приход дня».



Однако Тадео не имел охоты томить столь великое множество народа ради особенного удовольствия своей жены; да и самому ему невольно было видеть такую толпу. И отобрал он из всего города только десять сказочниц, самых лучших – тех, что казались самыми опытными и речистыми. И это были Цеца Хромая, Чекка Кривая, Менека Зобатая, Толла Носатая, Поппа-Горбунья, Антонелла-Ползунья, Чулла Толстогобая, Паола Косоглазая, Чометелла-Паршивка и Якова-Говнючка<sup>35</sup>.

---

<sup>35</sup> Типы безобразия и уродства были широко представлены в городской комедии. Примечательно, однако, что сказительницы со столь неприятными обличья-

Он записал их на листок, отослав домой всех остальных, после чего все они вместе со служанкой, неся над нею балдахин, взошли по лестнице дворца и неспешно направились во внутренний сад, где густолиственные ветви были так перепутаны, что и самому Солнцу не удавалось раздвинуть их шестом своих лучей. И когда уселись под шатром, который оплетали со всех сторон виноградные лозы, а в середине бурлил фонтан – главный учитель в школе придворных, ибо он учил их шептаться целыми днями<sup>36</sup>, – Тадео обратился к собравшимся, говоря:

– Нет на свете занятия более желанного, почтеннейшие мои сударыни, чем слушать о делах других людей, и не без глубокого смысла некий великий философ сказал, что для человека наибольшее удовольствие – слушать занятные рассказы. Ибо, когда он слышит приятное, тревоги улетают, тяжкие мысли увядают и жизнь продлевается. Я видел, как ради этого желания ремесленники оставляют мастерские, продавцы – прилавки, адвокаты – судебные дела, а негоцианты – счетные книги и, открыв рты, целыми днями просиживают в цирюльнях или в кружках болтунов, слушая фальшивые новости, сочиненные вести и газеты из воздуха. По этой причине должен я извинить и свою супругу, что вбила себе в

---

ми и прозвищами, сами о том не догадываясь, выступают союзницами и помощницами Зозы в ее справедливой борьбе за свое счастье. Фабулы их сказок постепенно приводят самозванку к разоблачению.

<sup>36</sup> Непрестанный плеск фонтана Базиле сравнивает с непрерывными сплетнями, составляющими главное занятие придворных.

голову столь тягостное для меня желание – слушать сказки. Ради этого, если вам угодно будет, как говорится, подставить горшок под струю моей благородной княгини, да и моему желанию угодить, будьте любезны в течение ближайших четырех или пяти дней, собираясь всегда в этом месте, ради наилучшего ее разрешения от бремени, рассказывать сказку за сказкой из числа тех, которыми обычно старухи тешат малых ребят. Каждое утро после завтрака полагая начало беседы, мы будем завершать ее некой стихотворной эклогой, которую прочтут наши слуги, чтобы в веселии проводить нам жизнь; ибо достоин сожаления тот, кто умирает.

Сказав эти слова, Тадео кивнул собравшимся головой, и они ответили согласием; затем были приготовлены столы и поданы кушанья, и все принялись за еду; а когда окончили, князь подал знак Цеце Хромой запалить, что называется, фитиль у пушки. И она, сделав почтительный поклон князю и его супруге, начала рассказывать.



# День первый



## Сказка про орка Первая забава первого дня

*Антуон из Марильяно, которого матушка, по причине невыносимой его бестолковости, выгнала из дому, поступает в услужение к орку и трижды, желая вернуться к себе домой, получает от орка чудесный подарок, но каждый раз дает обмануть себя хозяину гостиницы, где останавливается на ночлег; наконец орк дает ему палку, кою наказывает его за невежество, воздаст должное обманщику **и наконец приносит богатство его дому***

*Кто первый изрек, что Фортуна слепа, понимал больше, чем маэстро Ланца<sup>37</sup>, много рассуждавший на эту тему. Ибо поистине она действует вслепую, вознося таких людей, кому самое место пасть на бобовом поле, и безжалостно свергая с высоты на землю тех, которые суть истинный цвет человечества. Об этом я и предлагаю вам сейчас послушать.*

Рассказывают, что жила некогда в селении Марильяно<sup>38</sup> добрая женщина по имени Мазелла, у которой, кроме семи уже взрослых девок-замухрышек, длинных как жерди, был сын – такой бездельник, такая бестолочь – впору хоть со скотиной на лугу пасти, что не сгодился бы зимой снежки лепить, не то что к какому доброму делу. И до того было ей лихо, как той свинье, что под нож ведут. И не проходило дня, чтобы она не говорила ему так:

– Что ты сидишь еще в этом доме, нахлебник проклятый? Сгинь от меня, кусок мерзости! Уйди с глаз моих, халдей эдакий! Иссохни, чертополох окаянный! Вон проваливай, поросенок! Подменили мне тебя в колыбели и вместо куколки, вместо красавчика, вместо ангельчика, вместо ми-

---

<sup>37</sup> Знаменитый рассказчик, выступавший перед народом в Венеции, на площади Сан-Марко, в конце XVI – начале XVII в.

<sup>38</sup> Марильяно – селение в двадцати километрах от Неаполя.

ленького моего мальчика подложили борова ненасытного!

Вот какие слова Мазелла говорила сыну, ругательски его ругая.

И наконец, потеряв всякую надежду, что Антуон (так звали сына) повернет голову в добрую сторону, в один из дней, хорошенько намылив ему голову без мыла, схватила Мазелла скалку и начала снимать у него со спины мерку для кафтана. Антуон, не ожидавший такого поворота дела, когда увидел, как матушка по хребту его обмеривает, как по ребрам оглаживает да какой знатной подкладкой задницу ему подбивает, еле вырвался у нее из-под скалки и дал деру. И шел без роздыху чуть не до полуночи, когда в лавках у тетушки Луны уже зажглись фонарики. И пришел к подножию гор, да таких высоких, что с облаками в чехарду играли, кто кого выше. И тут, на корнях тополя, близ устья пещеры, вырубленной в скале, сидел орк; и – матушка моя! – какой же он был страшный!

Был он маленького роста и безобразен телом, с головой больше индейской тыквы. Лицо в шишках, брови сросшиеся, глаза косые, нос приплюснутый, ноздри как две дыры в отхожем месте, рот как мельница, с двумя клыками до колен, грудь мохнатая, руки как ткацкое мотовило, ноги кривые, ступни широкие, как гусиные лапы. А если вкратце, похож он был на демона, как рисуют на картинах, где его архангел Михаил копием поражает, на пугало огородное, на сонное наваждение, на злое привидение, что словами невозможно

описать, а разве только сказать, что он навел бы дрожь на Роланда<sup>39</sup>, ужаснул бы Скандербега<sup>40</sup> и заставил бы побледнеть самого отпетого деревенского драчуна.

Но Антуон, которого было и камнем из рогатки не испугать, не смутился, а, будто и добрый человек, сделал орку почтительный поклон и начал такой разговор:

– Бог в помощь, сударь! Как дела? Как здоровьице? Не надо ли чего? Не знаешь ли, сударь, сколько еще осталось ходу до места, куда я путь держу?

Орк, услышав дурацкую речь – с пятого да на десятое, – засмеялся и, поскольку пришелся ему по сердцу нрав дураля, сказал ему:

– Слушай, парень, хочешь жить у хозяина?

Антуон говорит:

– А это смотря сколько мне в месяц положишь.

---

<sup>39</sup> Маркграф Бретонский, вассал императора Карла Великого, павший в 778 г. в битве с басками. Стал героем широкого круга легенд, баллад и поэм. Получил известность благодаря знаменитой «Песни о Роланде» (в ней он погибает, преследуя разбитых мавров). Воспет в ренессансных поэмах «Морганте» Луиджи Пульчи (1432–1484), «Влюбленный Роланд» Матео Фоленго (1441–1494), «Неистовый Роланд» Лодовико Ариосто (1474–1533), «Орландино» Теофило Фоленго (1491–1544) и др.

<sup>40</sup> Георгий Кастриот (1405–1468), последний правитель независимой Албании, в 1450–1460-е гг. успешно сопротивлявшийся турецкой агрессии. Турки называли его Искандер-бегом, в Европе это прозвище переделали в «Скандербег». Был союзником Неаполитанского королевства; после его смерти его потомки получили от королей Неаполя герцогские, графские и баронские титулы. Имя Скандербега пользовалось колоссальной популярностью в Италии и века спустя после его смерти.

Орк ему на это отвечает:

– Постарайся служить мне честно, как договоримся, и будет тебе у меня хорошо.

Ударили они по рукам, и остался Антуон служить у орка. И было у орка в доме столько еды, что на землю сыпалась, а работы – хоть весь день на овчине лежи и не вставай. И таким манером за четыре дня стал он толстый, как турок, упитанный, как вол, нахальный, как петух, красный, как рак, крепкий, как чеснок, пузатый, как кит, и кожа на нем натянулась, как на барабане, что и глаз не открыть.

Однако не прошло и двух лет, как надоело Антуону сытое житье, и такая пришла ему великая охота повидать свою деревню, что, тоскуя о родном доме, стал он снова худой, почти как прежде был. А орк его прознал до такой черточки, что в самые кишки ему глядел и каждый пук из задницы слышал. И видит орк, что стал Антуон как женка недолюбленная, что ничем ему угодить невозможно, отозвал его раз в сторонку и говорит:

– Антуон мой милый, вижу я, как ты истомился по роденьким своим. И я, любя тебя, как свои очи, только рад буду, если ты прогуляешься до дому и свое желание исполнишь. Так что бери вот этого осла, с которым веселее будет тебе путь-дороженька. Только смотри не говори ему никогда: «Пошел, засранец!» Прошу тебя ради памяти покойного моего дедушки; не то пожалеешь потом.

Антуон взял осла и, не сказав орку даже «счастливого оста-

ваться», запрыгнул верхом – и знай себе потрусил. Но и сотни шагов не проехавши, слез с осла и говорит ему: «Пошел, засранец!» И рта еще не успел он закрыть, как ослик стал из заднего места испражнять жемчуга, рубины, изумруды, сапфиры и алмазы, каждый величиной с орех. Антуон так и застыл с раскрытым ртом, глядя на столь прекрасные какашки, великолепные говняшки, на понос сей драгоценнейший, а потом, с великим ликованием наполнив переметную суму всеми этими радостями, снова забрался ослу на круп и, вложив ему ногами прыти, поспешил к ближайшей гостинице.

Спешившись у ворот, первым делом он сказал гостиннику:

– Привяжи осла да задай ему корму до сытости, но смотри не говори ему: «Пошел, засранец!» – чтобы тебе не пожалеть потом. А пожитки мои сохрани в надежном месте.

Гостинник, что был из четверых старшин по ремеслам старшóй<sup>41</sup>, салака бывалая, в четырех портах плавала, в пяти бочках просолилась, с кишок до мозгов проходимец, услышав столь странное предостережение и увидев такие игрушки, что стоили немалых тысяч, решил разузнать, какую же имеют силу эти слова. И вот, накормив Антуона до сытости, напоив его, сколько ему пилось, заложил его поглубже между тюфяком и толстым одеялом и, еще не дождавшись, пока он глаза сомкнет, побежал на конюшню и говорит ослу: «По-

---

<sup>41</sup> Иерархию средневековых городских цехов в Италии традиционно возглавляли «Четыре консула ремесел».

шел, засранец!» И осел, по магическому действию этих слов, вновь проделал все, что и прежде, разразившись поносом золота и потоком самоцветных камней. Увидев сие драгоценное испражнение, гостинник решил подменить осла и обдурить деревенского невежу Антуона, не считая за труд пыль в глаза пустить, вокруг пальца обвести, облапошить, надуть, в мешок посадить и светлячка вместо фонаря показать этому глупому борову, хаму, болвану, барану, раз уж тот к нему в руки попал. И на рассвете, когда хозяйushка Аврора вышла вылить ночной горшок своего старичка Тифона<sup>42</sup>, полный красного песку, в восточное окошко<sup>43</sup>, проснулся наш Антуон, час глаза кулаком протирал, с полчаса потягивался, разов шестьдесят то зевнул, то пукнул, вроде бы как сам с собою беседуя, потом позвал хозяина и говорит ему:

– Поди-ка сюда, дружище. Вовремя платить – долго дружить; нам дружба, а кошелькам война; давай сюда счет, рас-

---

<sup>42</sup> *Др. – греч.* Τιθωνός – сын троянского царя Лаомедона. Богиня утренней зари Эос (в римском варианте – Аврора), влюбившись в Тифона из-за его красоты, похитила его и сделала на небесах своим супругом. Она испросила у Зевса для него бессмертие, но забыла испросить вечной молодости. Когда со временем Тифон стал дряхлым неумирающим старцем, Эос превратила его в цикаду.

<sup>43</sup> При отсутствии канализации в перенаселенном Неаполе вынос экскрементов из многоэтажных домов был тяжелой проблемой. Обычно выбиралась сторона дома, выходившая в глухой закоулок, куда можно было выливать нечистоты со всех этажей. Эта бытовая деталь обыгрывается, в частности, у Боккаччо в одной из новелл «Декамерона» (II, 5), действие которой происходит в Неаполе. Большим спросом пользовался мочевой песок, впитывавший нечистоты, ослабляя их запах.

плачусь – не обижу.

– Хорошо, коли так: столько за хлеб, столько за вино, то за похлебку, это за мясо, пять за стойло, десять за кровать, чтоб помягче лежать, а пятнадцать – чтоб тебе добрый час пожелать.

Вытянул Антуон свои денежки и, взяв ослика подменного да сумку с камнями, годными только мешки стирать, вместо тех, что впору в перстни вставлять, потрусил верхом к родному селению. И только коснувшись ногою порога, заголосил, будто крапивой ошпаренный:

– Беги сюда, мамочка, беги скорее! О, как мы богаты теперь! Полотенца расстилай, простыни разворачивай, покрывала раскидывай. О, какие сейчас сокровища увидишь!

И матушка, с великою радостью открывши сундук, стала оттуда вытягивать приданое, что дочкам берегла: простыни тонкие, что как дунешь, так полетят, скатерти, душистым мылом благоухающие, покрывала цветов столь ярких, что в глазах рябило, и теми весь двор устелила. Завел Антуон во двор осла и давай напевать сладким голосом: «Пошел, засранец!» Но что поделать, если это «пошел, засранец!» осел оценил не более высоко, чем некогда иной осел – звуки лиры<sup>44</sup>. Во всяком случае, повторив и трижды и четырежды, Антуон не добился никакого успеха. И тогда, схватив толстую дубину, стал лупить невинную скотину, и так бил, и так колотил, что наконец несчастное животное не вытерпело и

---

<sup>44</sup> Античная басня «Осел и лира» до сих пор входит в учебники латыни.



вывалило на белейшие матушкины простыни хорошенькую желтую плюху.

Увидела бедная Мазелла, как на то самое, в чем она полагала единственную надежду выбраться из бедности, осел навалил столь много богатства, что весь дом ее наполнился зловонием, схватила она палку и, не дав Антуону времени открыть сумку и показать ей золото и камни самоцветные, отдубасила его от всего материнского сердца. А тот – шапку в охапку, да и вон со двора, и побежал что было духу обратно к орку. Орк, видя, что Антуон приближается, словно не по земле идя, а по воздуху летя, и от своей волшебной силы зная, что и как с ним приключилось, стал хорошенько кислым соусом его поливать да поперчивать за то, что дал он гостиннику так над собою надсмеяться. И называл его отбросом Божьего творения (матушка моя, и вымолвить-то страшно!), и мешком пустым, и петухом бесхвостым, и сараем гнилым, и корягой кривой, и поросенком неблагодарным, и тупицею, и пустомелею, и простофилюю, что взамен осла, срущего драгоценностями, позволил подсунуть себе скотину, приносящую лишь обычные шарики ослиной моцареллы<sup>45</sup>. И Антуон, проглотив эту пилюлю, поклялся, что никогда больше не позволит обхитрить и надсмеяться над собою ни одной живой душе.

---

<sup>45</sup> Сыр из молока буйволицы, изготавливается в форме крупных шариков. Особенным спросом издавна пользуется моцарелла из Аверсы (в пятнадцати километрах от Неаполя), капитаном (градоначальником) которой Базиле был назначен в 1627 г.

Однако через год опять обуяла его та же самая головная боль; и стал он изнывать от желания увидеть родимую матушку и сестер-голубушек. Орк, что был лицом ужасен, а сердцем прекрасен, отпустил его, а на прощание подарил ему красивую скатерку, говоря так:

– Отнеси ее матушке; только предупреждаю тебя, не будь такой осел, как с тем ослом, что подарил я тебе в прошлый раз. И пока не придешь к себе в дом, не говори: «Развернись, скатерка!» и «Свернись, скатерка!». Иначе, коль опять с тобой приключится беда, сам будешь виноват. Ну а теперь – в добрый час, ступай да возвращайся поскорее.

Ну пошагал Антуон к дому; и, лишь немного отойдя от орковой пещеры, положил скатерку наземь и сказал: «Развернись, скатерка!» И она тут же развернулась, и увидел он на ней много всякого добра: всякие товары роскошные, всякие штуки галантные, что у знатных господ в домах; и все вещи такой красоты, что глазам не поверишь. И быстро говорит: «Свернись, скатерка!» И скатерка свернулась, и все вещи скрылись внутри. Подхватил ее Антуон под мышку и напрямиком к прежней гостинице. Пришел и говорит гостиннику:

– Возьми и сбереги мне эту скатерку. Только смотри не говори ей: «Развернись, скатерка!» и «Свернись, скатерка!».

Ну а тот – он ведь был кусок, трижды на огне поджаренный, – отвечает ему:

– Будь спокоен, все сделаю, как надо.

И, задав ему хорошенько покушать и напоив его так, что впору хоть обезьяну за хвост ловить, уложил его спать. Потом взял скатерку и произнес эти самые слова. И скатерка раскрылась, и столько оказалось на ней дорогих вещей, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Тогда гостинник спрята- л скатерку, а взамен подложил Антуону другую, по всему похожую. Антуон, поднявшись утром, взяв подменную ска- терку, пустился в путь и, вскоре дойдя до дому, кричит ма- тушке:

– Теперь-то мы уж точно прогоним бедность со двора, лю- безная матушка! Не придется тебе больше тряпки переби- рать, дырки латать да лоскутья сшивать!

С этими словами положил он скатерку на землю и сказал: «Развернись, скатерка!» Но хоть бы он с утра до ночи эти слова повторял, только бы время потерял, ибо не мог полу- чить от скатерки ни крошки, ни соломинки. Видя, что дело идет против шерсти, говорит Антуон матушке:

– Поделом мне, дураку. Опять меня гостинник вокруг пальца обвел. Ну, однако мы стоим один другого, найду и я на него управу. Лучше бы ему на свет не родиться! Лучше бы его телега колесом переехала! Да пусть в моем доме са- мая лучшая вещь пропадет, если я, когда приду спросить с него за осла и за сокровища, не перебую ему в гостинице все чашки и плошки на мелкие кусочки.

Как услышала матушка новую ослиную историю, развела хорошенько огонь в очаге и говорит Антуону:

– Сдохни, сломи себе шею, сыночек проклятый! Чтоб тебе хребет по позвоночку рассыпали и не собрали! Вон катись с моего порога! Лучше бы мне кишки мои показали и обратно не вложили! Лучше бы меня грыжа загрызла или зоб задушил, когда ты у меня между ног пролезал. Сгинь отсюда сей же миг, и пусть дом этот жжет тебе пятки как огонь! Вытрясла уж я тебя из своих пеленок, и не считай меня больше за ту дуру, что высрала тебя на белый свет!

Несчастный Антуон, видя такую жаркую молнию, не стал дожидаться грома и пустился наутек, будто стибрил мыла кусок – только пятки сверкнули. Побежал снова к орку. Орк, увидев, что он явился не запылился да лица на нем нету, сразу понял, что к чему, и сыграл Антуону звонкую сонату на чембало, сказав ему так:

– Уж не знаю, что меня удерживает засветить тебе под глазом добрый фонарь, раззява ты эдакая, кошель без завязок, рот говенный, кусок протухлый, гузно куриное, балаболище, фанфара суда викариатского, что ради каждого пройдохи на базаре трубить готова!<sup>46</sup> Ох, вот бы тебе выблевать все кишки изнутри, авось тогда и горох повысыпался бы из дурной твоей башки!<sup>47</sup> Если бы запер ты роток да на крепкий замок, то не случилось бы с тобой того, что случилось. Но у тебя рот

---

<sup>46</sup> Заседания в суде первой инстанции Неаполитанского королевства (Gran Corte della Vicaria), не исключая и дел по небольшим правонарушениям, предварялись торжественным сигналом трубы.

<sup>47</sup> «У него горох в голове» – говорят о глупом человеке.

как ветряная мельница, и промолот ты впустую все счастье, что само тебе в руки пришло!

Антуон, обруганный поделом, зажал хвост между коленок и молча внимал сей музыке. И после того три года исправно нес службу у орка, не больше надеясь когда-либо домой вернуться, чем графский титул заполучить. Но время прошло, и опять его залихорадило: пришел ему каприз прогуляться до дому, и стал он опять у орка отпрашиваться. И орк, устав от его нытья, рад был его отпустить. И дал ему гладко обтесанную палку, сказав при этом:

– Возьми в подарок, чтобы помнить мою доброту. Только смотри не говори никогда: «Поднимайся, дубина!» или: «Ложись, дубина!» – а скажешь – ох, не желаю тебе, что тогда с тобой приключится.

Взял Антуон палку и говорит:

– Истинно, вырос у меня зуб мудрости, уж больше я не мальчик и знаю, во сколько пар трех быков запрягают. А кто теперь над Антуоном вздумает посмеяться, тому легче свой локоток поцеловать.

Орк ему на это отвечает:

– Мастера по делу судят. Говорить много женщине пригоже, а мужчина делом хорош<sup>48</sup>. Поживем – увидим. Ты парень не глухой: я сказал, а ты слышал. Вовремя остеречь – наполовину сберечь. А теперь ступай, да гляди в оба.

---

<sup>48</sup> В оригинале пословица звучит так: «Слова – женщины, а дела – мужчины». Parola (слово) – женского рода, а fatto (дело) – мужского.

И еще не окончил орк свои наставления, как Антуон уже поспешил к дому. Но и полмили еще не одолел, как не стерпел зуда любопытства и сказал палке: «Поднимайся, дубина!» И в один миг с волшебным словом свершилось новое чудо. Палка, будто у нее внутри сидел чертенок, как вскочит да как начнет охаживать бедного Антуона по спине и по ребрам! И сыпались удары, как дождь с ясного неба, – один другого не дожидался. Бедняга, видя, что палка скоро отделает его как сафьяновую кожу, вскричал: «Ложись, дубина!» Тогда только палка и перестала полосовать ему спину вдоль и поперек.

Пройдя такое доброе обучение за собственный счет, Антуон воскликнул:

– Правду говорят: кто задом пятится – тот ногу подвернет. Клянусь, на этот раз я уж своего случая не упущу. Поспешу, однако, пока не лег еще спать тот, кому сегодня предстоит веселый вечерок!

Так приговаривая, вскоре дошел он до прежней гостиницы, где был принят с величайшими на свете почестями, ибо знал гостинник, сколько доброго сала можно из этой свиньи вытопить. Антуон ему говорит:

– Возьми да сбереги мне эту палку. Но смотри не говори ей: «Поднимайся, дубина!» – потому что опасное это дело. А не послушаешься, то не жалуйся потом на Антуона, не виноват я буду в твоей беде.

Гостинник, безмерно обрадованный третьей удачей, на-

пичкал его до отвала всякими кушаньями и дал ему увидеть дно у кружки. И когда отвел его, еле стоящего на ногах, в спальню, сам побежал туда, где положил палку, да и жену с собой позвал, чтобы показать ей новый счастливый праздник. И, полный благих надежд, сказал палке: «Поднимайся, дубина!» И начался для них праздник: так стала она углаживать им бока – там треснет, а тут хрястнет, – такой показала им вход и выход с пушечным салютом, что, видя себя в самом горьком положении, оба, и муж, и жена, неотступно преследуемые палкою, побежали будить Антуона, умоляя его о пощаде.

Антуон, видя, что все вышло как задумано и макаронина легла, как ей подобает, к сыру, а капустаный кочешок<sup>49</sup> – к салу, говорит:

– Не дождетесь вы пощады. Так и помрете под палкой, коль все мое обратно не вернете.

Тогда гостинник, которого хорошенько уже растолкла волшебная палка, закричал:

– Возьми что хочешь – и свое, и мое, только избавь от проклятого этого битья мои лопатки!

И чтобы удостоверить Антуона, выдал ему тут же все, что увел у него обманом. Заполучив то в руки, Антуон приказал: «Ложись, дубина!» – и она приземлилась и спокойно легла в сторонке. Взяв осла и все прочее, пошел Антуон к матушке домой. И здесь, проведя генеральную пробу с задницей осла

---

<sup>49</sup> Капуста брокколи, распространенная на юге Италии.

и успешно испытав действие скатерки, собрал немало добра, выдал замуж сестриц и обеспечил матушку, чем подтвердил верность сказанного:

*малому да глупому – Бог помогает.*

## **Миртовая ветка**

### **Вторая забава первого дня**

*У крестьянки из Миано рождается миртовая ветка; впоследствии в эту ветку влюбляется принц, и она оказывается прекраснейшей феей. Затем принц уходит далеко и оставляет ее в прежнем виде миртовой ветки, привязав к ней колокольчик. Входят в дом принца некие дурные и завистливые женичины; когда они трогают колокольчик, из ветки выходит фея; ее убивают. Принц, вернувшись и обнаружив это несчастье, готов умереть от горя; чудесным образом он снова обретает возлюбленную, казнит убивших ее куртизанок и делает фею своей женой*

*Не было слышно ни шороха, пока Цеца продолжала рассказывать; но как только окончила, завязался долгий разговор: все стали без умолку болтать про какашки осла да про волшебную палку. И кто-то сказал, что, если бы вырос целый лес таких палок, их мало нашлось бы охотников заниматься разбоем, а те, что грабили прежде, образумились бы; и не было бы, как стало в наши времена, больше ослов,*



чем грузов<sup>50</sup>. И когда уже порядком наговорились про эти дела, князь повелел Чекке продолжить нить сказок. И она сказала:

– Если бы думал мужчина, сколько уцербя, сколько бед, сколько падений случается в мире по вине проклятых распутниц этого света, то далее следа бесчестной женичины больше бы опасался, чем вида змеи, и не тратил бы свою честь ради отбросов из борделя, не обращал бы жизнь в лечебницу скорбей и не изводил бы все имение на шлюху, что и трех торнезе<sup>51</sup> не стоит; ибо она только накормит тебя пиллюлями, где смешаны горести и обиды, – как вы сможете услышать сейчас об одном принце, что попал в силки этой дрянной породы.

Рассказывают, что жили в селении Миано муж с женою, у которых не было детей, и томились они великим желанием оставить по себе хоть какое-то потомство – особенно жена, которая только и говорила: «Боже, да мне бы хоть кого-нибудь родить; все равно, хоть миртовую ветку!» И часто повторяла она эту песню; и до того докучала небесам этими словами, что стал расти у нее живот и округлилось брюхо, и через положенный срок, вместо того чтобы разродиться мальчишкой или девчонкой, произрастила она из Элизейских полей своего чрева самую настоящую миртовую ветку.

---

<sup>50</sup> С раннего Средневековья вплоть до второй половины XIX в. нападения и разбои на горных дорогах были повседневным явлением в Южной Италии.

<sup>51</sup> Мелкая монета; равнялась шести кавалло.

И, с великим удовольствием посадив ее в вазу, украшенную многими прекрасными маскаронами, поставила на подоконник, поливая ее утром и вечером с бóльшим старанием, чем крестьянин – капустную грядку, урожаем с которой надеется оправдать наем огорода.

Однажды сын короля, что ходил тем путем на охоту, проезжая мимо ее дома, безмерно увлекся этой красивой веткой и послал сказать хозяйке, чтобы продала ему ее за любую цену, какую только захочет. И хозяйка, после тысяч отказов да отговорок, наконец, возбужденная выгодой, связанная обещаниями, приведенная в смятение угрозами, побежденная мольбами, отдала ему вазу, заклиная беречь и холить ветку, ибо любила ее воистину не меньше дочери и так именно ее и ценила, как плод своей утробы.

И вот принц с величайшей радостью велел принести вазу с веткой прямо к себе в покои и поставить на подоконник и стал окапывать и поливать ее своими руками. А потом случилось вот что: однажды вечером улегся принц в постель, слуги погасили свечи, и едва все вокруг утихло и все во дворце погрузились в первый сон, как услышал принц в доме шаги, будто кто ошупью потихоньку идет к его ложу.

И стал он думать: то ли это слуга крадется стащить кошель с деньгами, то ли домовой – сдернуть со спины одеяло; но как он был человек мужественный, который не уstraшилсЯ бы и злого беса, то застыл на месте, словно мертвая кошка, ожидая, что будет дальше. И тут он почувствовал, что это су-

щество приблизилось к нему вплотную, и от прикосновения ощутил, что оно гладкое; и где он ожидал наткнуться на иглы дикобраза, там нашел нечто более нежное и мягкое, чем берберская шерсть, более приятное и податливое, чем хвост куницы, более шелковистое и легкое, чем перышки щегленка. Он быстро передвинулся поближе, подумав, что это фея (как оно и было на самом деле), приклеился к ней, словно коралловый полип, и принялись они в игры играть: то в «Поклюй, поклюй, воробушек», то в «А ну-ка, где спрятал камушек?»<sup>52</sup>.

А потом – прежде, чем Солнце вышло, как главный врач, осмотреть поникшие и печальные цветы, что с нетерпением ожидали его, – загадочная гостья поднялась с ложа и исчезла, и принц остался один, полный блаженства, беременный любопытством, нагруженный удивлением. И поскольку вся эта история повторялась в течение семи дней, его снедало и томило желание узнать, что за счастье подарили ему звезды и что за корабль, нагруженный сладостями Любви, приходит каждую ночь бросать якорь в его постели.

---

<sup>52</sup> Названия детских игр.



И вот, когда в одну из ночей, утомленная его ласками, милая девочка делала баиньки, он привязал одну из ее кос к своей руке, чтобы она не улизнула, позвал слугу и велел зажечь свечи. И что же он увидел? Истинный цвет красоты, чудо из женщин, зеркальце, расписное яичко Венеры, прекрасное сокровище Амура; увидел куколку, лапушку, горlinkу ясную, фату Моргану<sup>53</sup>, знамя парчовое, колос золотой; увидел похитительницу сердец, глаз соколиный, луну полную, голубиный клювик, королевский кусочек, игрушечку – сло-

---

<sup>53</sup> Образ феи Морганы из кельтской мифологии в Средние века был заимствован итальянской поэзией (М. Боярдо, Л. Ариосто); встречается также в фольклоре, особенно на Юге (Сицилия).

вом, такое увидал зрелище, что впору ума лишиться.

И, созерцая эту красоту, воскликнул:

– Кинься в огонь, богиня Кипрская! Надень себе веревку на шею, Елена Прекрасная! Идите прочь, Креуса и Фьорелла<sup>54</sup>, ибо ваши красоты – всего лишь безделушки рядом с этой красавицей, что одна стоит вас двоих! О красота всецелая, совершенная, спелая, полная, истинная! О дар, достойный королевских сокровищниц, Севильи, блеска двора; о грация, в которой не найти изъяна, которой нет предела! О сон, сладкий сон, пролей свой маковый отвар в очи этой драгоценности, не лишай меня наслаждения созерцать, сколько захочу, этот триумф красоты! О прекрасная коса, связавшая меня! О прекрасные очи, палящие меня огнем! О прекрасные губы, наполняющие меня силами! О прекрасная грудь, что утешает меня! О прекрасная рука, пронзающая мне сердце! Где, где, в какой мастерской чудес Природы исполнена эта живая статуя! Какая Индия прислала свое золото для этих волос! Какая Эфиопия – слоновую кость, чтобы изваять этот лоб! Какая Маремма<sup>55</sup> доставила изумруды для

---

<sup>54</sup> Богиня Кипрская – Венера; Креуса – имя нескольких персонажей античной мифологии и литературы. Афинское предание, сохраненное Софоклом и Еврипидом, говорит о Креусе, дочери афинского царя Эрехтея, возлюбленной Аполлона. Согласно Псевдо-Аполлодору, Гигину и Вергилию, Креусой звалась дочь Приама и жена Энея. То же имя носила дочь царя Креона Коринфского, невеста Ясона, погубленная ревностью Медеи; Фьорелла – героиня популярного в XVII в. любовного романа «История о Марко и Фьорелле».

<sup>55</sup> Местность в Тоскане, на берегу Тирренского моря, где, как утверждала молва, встречались изумруды.

этих очей! Какой Тир принес пурпур, чтобы украсить румянцем это лицо! Какой Восток отдал свои жемчуга, чтобы составить в ряд эти зубки, словно бусы! Какая горная вершина от своих снегов подарила белизну этой груди! От снегов, которые чудесно, вопреки природе, дают жизнь цветам и воспаляют сердца!

С этими словами он обхватил ее будто виноградную лозу, которая одна могла даровать утешение всей его жизни; и, когда обнял ее так, она, освободившись ото сна, ответила на воздыхания влюбленного принца грациозным зевком. Видя, что она проснулась, он сказал ей:

– О счастье мое! Если, рассматривая этот храм Любви без свечей, я был как в муках, что же станет с моей жизнью теперь, когда ты зажгла два своих светильника! О прекрасные очи, которые одним триумфальным пасом света заставили звезды играть в «прогоревший банк»!<sup>56</sup> Вы, только вы пронзили это сердце; только вы, как свежее яичко, способны приложить к нему целебный пластырь!<sup>57</sup> И ты, дивная моя целительница, сжался над больным от любви, которого охватил жар, когда на смену ночной тьме явились лучи твоей красоты! Коснись руками моей груди, потрогай пульс, пропиши мне рецепт! Но зачем я еще жду рецепта, душа моя? Приложи к моим губам пять примочек своим нежным ротиком! Не же-

---

<sup>56</sup> Название карточной игры; сравнения из этой сферы увлекают Базилю не меньше, чем кулинарные ассоциации.

<sup>57</sup> Заживляющий пластырь делали из яичного белка, розового масла и живицы.

лаю иных растираний, кроме ласк твоей руки, ибо уверен, что только сердечный напиток твоей великолепной грации и корень этого «воловьего языка»<sup>58</sup> сделают меня совершенно свободным и здоровым!

Зардевшись, как огонь, фея отвечала на его слова:

– К чему столько похвал, господин принц! Я – раба твоя и, чтобы служить твоему царственному лицу, рада была бы ночной горшок за тобой выносить; и считаю большим счастьем, что из миртовой ветки, росшей в глиняной вазе, стала кроной лавра, приклонившейся к гостинице живого сердца, – сердца, исполненного такого величия и доблести!

От слов феи растаяв, будто сальная свеча, принц снова бросился обнять ее и запечатлеть ее послание поцелуем и поклялся ей, говоря:

– Вот мое слово: ты станешь моей женой, ты будешь госпожой моей державы, ты будешь владеть ключами от моего сердца, ибо руль жизни моей уже у тебя в руках.

И после этих и сотни других любезностей и ласк, восстав наконец от ложа, они проверили, в полном ли порядке кишки и желудок; и так делали в течение нескольких дней.

Но Фортуна, играющая несчастьями, разрушительница браков, всегда бросает свои шипы под ноги влюбленным. Словно противная собачонка, она всегда какает в минуту наивысших удовольствий Любви; и случилось так, что принц

---

<sup>58</sup> Народное название печеночника, съедобного гриба с красной мякотью, богатой витаминами.

да позвали на охоту, чтобы убить огромного лесного кабана, который опустошал поля той страны. Ради этого он был принужден расстаться с возлюбленной, а вместе с нею оставить и две трети своего сердца.

Но поскольку он любил ее больше жизни и видел, что красотой она затмевает всех иных красавиц, от его любви и от этой красоты произросло нечто иное – то, что есть буря в море радостей любви, дождь над бельем любовных ласк, сажа, падающая в сочное блюдо наслаждений тех, кто влюблен, – явилась та, о которой я сказал бы: как змея жалит и как червь точит; как желчь горчит и как лед холодит; та, из-за которой жизнь любящих всегда идет будто по канату, ум неспокоен, а сердце терзается подозрениями.

И, обратившись к фее, принц сказал:

– Я вынужден, любимая, провести две или три ночи вне дома; Бог один знает, с какою скорбью я расстаюсь с тобой, ибо ты – подлинно душа моя. И беру Небо в свидетели: если ты меняпустишь рысью<sup>59</sup>, я пушусь галопом к Смерти; но, поскольку я не могу не пойти, ибо должен выполнить желание отца, мне придется сейчас оставить тебя одну. И молю тебя, ради той любви, что ты ко мне имеешь, вернись обратно в вазу и не выходи, покуда я не вернусь. И тогда все у нас с тобой будет по-прежнему.

– Я сделаю, как ты говоришь, – сказала фея, – поскольку не умею, не хочу и не могу возражать против того, что тебе

---

<sup>59</sup> То есть если ты покинешь меня.



удобно. Итак, иди, и пусть сопутствует тебе матушка всякой удачи, и знай, что я всегда рядом с тобой. Но исполни и ты мое желание: привяжи к верхушке мирта шелковую нитку и колокольчик. А когда вернешься, дерни за нитку: колокольчик зазвенит, и я быстренько выйду тебе навстречу и скажу: «Вот я».

Принц так и сделал. Призвав слугу, он сказал ему:

– Ну-ка, поди сюда, открой уши да хорошенько слушай. Застилай мое ложе каждый вечер так, как будто я сам сейчас приду и лягу; поливай всегда эту ветку в вазе, да смотри у меня: я на ней все листочки сосчитал, и если хоть один упадет, останешься без хлеба.

И, сказав так, сел на коня и поехал добывать кабана; а любимую оставил, словно овечку у мясника.

Между тем семь женщин дурного поведения, которых принц держал при себе, когда увидели, что он охладел в любви и забросил обрабатывать их поля, стали подозревать, что он забыл прежнюю с ними дружбу ради некой новой интриги. И, желая узнать причину, призывали каменщика, и он за хорошие деньги выкопал от их дома подземный ход прямо в покои принца.

Войдя туда, эти записные<sup>60</sup> прощелыги, желая видеть, не новая ли ночная совушка очаровала их клиента, открыли опочивальню и, никого не обнаружив, увидели только пре-

---

<sup>60</sup> В оригинале: leiestre – зарегистрированные, записанные. Одно из наименований проституток.

краснейший миртовый куст, и каждая оторвала себе по ветке. Только самая младшая из них схватилась за верхушку, к которой был привязан колокольчик.

Колокольчик зазвенел, и фея, думая, что это принц, тотчас вышла. И как только жалкие вороны увидали это лучезарное чудо, они тут же напали на нее и схватили своими когтями, говоря:

– Ах это ты увела воду наших надежд на свою мельницу? Это ты заграбастала себе в задаток благосклонность нашего господина? Это ты, важная цаца, присвоила достояние, купленное нашими телами? Вот мы и встретились, какая радость! Ну сейчас выцедим мы из тебя сок! Ну и пожалеет же твоя матушка, что не в добрый час на свет тебя высрала! Ты уж думала, что отхватила наш огород, да только вовремя поймали тебя за холку. Да чтобы не была я в девять месяцев рождена, если ты сейчас за все не рассчитаешься!

И с такими речами они разбили ей палкой голову и растерзали тело на сотню кусочков; и каждая взяла себе часть; только самая младшая не захотела приложить руку к этому жестокому делу; и, когда товарки звали ее делать то же, что и они, взяла только маленькую прядку прекрасных золотых волос. Сотворив все это, они испарились по тому же подземному ходу.

Тою порой пришел и слуга, чтобы приготовить постель и полить ветку, как было ему велено господином. И, обнаружив это несчастье, чуть не умер от переживаний; кусая себе

руки, он собрал частички плоти и костей, отчистил кровь с пола, сложил все это в вазу и полил водой. Потом приготовил постель, закрыл комнату и, оставив ключи под дверью, унес свои башмаки подальше от той страны.

И вот вернулся принц с охоты: дернул за шелковую нитку, позвонил в колокольчик. Но в колокольчик звонят, когда на перепелок охотятся! Но в колокольчик звонят, когда епископ выходит! А бедный принц мог бить хоть во все церковные колокола: его фея была так рассеянна!<sup>61</sup> Немедля вбежал он в свои покои и, не имея терпения звать слугу и спрашивать ключи, врезал кулаком со всей силы по замку, открыл дверь, вошел внутрь, растворил окно... И, увидев вазу без куста, принялся рыдать, бить себя, кричать, вопить, голосить: «О бедный я, о несчастный я, о обездоленный! И кто же меня посмешищем таким сотворил?

О кто эту паклю, как бороду, мне навязал?

О кто так ловко на чашках меня обыграл?<sup>62</sup>

О принц ограбленный, разоренный, убитый! О ветка моя поломанная, о фея моя потерянная, о жизнь моя, от горя почерневшая! О радости мои, развеянные как дым! О сла-

---

<sup>61</sup> Подчеркнутая омонимия: быть рассеянной (*distratta*), то есть невнимательной, и быть рассеянной, то есть растерзанной на части.

<sup>62</sup> Двустипшие, возможно, заимствовано из фольклорного источника. Выражение «навязать бороду из пакли» в смысле «насмеяться» употребляется и поныне; чашки – одна из мастей в неаполитанских картах.

дости мои, кто вас полил едким уксусом? Что будешь делать теперь, Кола Маркьоне<sup>63</sup> злополучный? Что сотворишь, несчастный? Прыгай в ров – избавишься от своей беды! Всего добра ты лишился в этой жизни, и неужто горло себе не перережешь? Потерял сокровища бесценные, и как еще бритвой себя по жилам не полоснешь? Стерли тебя из этой жизни, и как ты еще с высоты не бросишься? Где же ты, где, Веточка моя? Какая черная душа, что чернее камня с Везувия, разграбила мою прекрасную вазу? О проклятая охота, все ты радости у меня отняла! О, горе мне: пропащий, безнадежный, мертвый; оборвались дни мои; и невозможно, чтобы еще пытался я жить этой жизнью без той, которая поистине есть моя жизнь. И всяко теперь протяну я ноги: без миллой сон мне будет пыткой, пища – отравой, удовольствия – удушьем, а жизнь – горечью».

Этими и другими словами, способными растрогать и уличные камни, взывал принц; после долгого плача и горького рыдания, полный муки и гнева, не в силах ни закрыть глаза для сна, ни открыть рот для еды, настолько предался он горю, что лицо его, прежде бравшее румянец от пурпура восточного, теперь пожелтело, как фальшивое золото, и соч-

---

<sup>63</sup> Базиле впервые называет героя по имени. Давая своим героям обычные итальянские имена, он приводит их в местной простонародной форме. В данном случае это имя двойное: Кола – уменьшительная форма от Никола; Маркьоне – греко-римское имя Маркион. Сына короля зовут именем в уменьшительной форме, так же как сказочные королевства носят названия, характерные для деревень: сказка как бы уменьшает реальность в размерах.

ное прошутто<sup>64</sup> губ изменилось в прогорклое сало.

А тем временем фея вновь выросла из остатков, собранных в вазу, и увидела, как бедный ее возлюбленный рвет на себе волосы и бьется в рыданиях – высохший как щепка, цветом похожий на больного испанца, на зеленую ящерицу, на травяной настой, на желтуху, на грушу, на хвост канарейки, на волчий помет. Взволнованная, выпрыгнула она из вазы, как луч света из слепой лампы<sup>65</sup>, изумив Кола Маркьоне, и, сжимая его руки, стала ему говорить:

– Вставай, вставай, принц мой ненаглядный! Довольно, довольно тебе горевать! Оставь плач, утри слезы, отложи в сторону гнев, утоли печаль! Смотри, я снова жива и прекрасна, назло этим стервам, которые, разбив мне голову, сотворили со мной то, что сделал Тифон со своим бедным братом!<sup>66</sup>

Принц, увидав своими глазами чудо, которому не мог поверить, от смерти вернулся к жизни, и вновь зарумянились у него щеки, страсть закипела в крови, бурно задышала грудь. Одарив любимую тысячами нежностей и ласк, он захотел узнать от начала и до конца все, что произошло. И, услышав,

---

<sup>64</sup> Род ветчины; изготавливается из сырого свиного окорока. На срезе имеет ярко-красный цвет, а потом постепенно темнеет.

<sup>65</sup> Железная лампа с дверкой, которую можно было в случае надобности закрыть, не погасив свечи.

<sup>66</sup> *Тифон* (др. – греч. Τυφών не путать с Тифоном из примеч. 2 на с. 49) – греческое наименование египетского злого бога Сета, который растерзал на части тело убитого им Осириса.

что слуга ни в чем не виноват, послал призвать его к себе. И, устроив великий пир, с благосклонного согласия отца, объявил фею своею женою. Пригласив лучших людей королевства, он, кроме того, повелел прийти и семи злым ведьмам, что убили эту молочную телочку.

И когда окончили есть, принц, указав рукою на фею, стал спрашивать по очереди каждого из гостей: «Какого воздаяния был бы достоин тот, кто сотворил бы зло этой милой девочке?» А она сидела рядом с ним, столь прекрасная, что разрезала сердца, точно бритвой, поднимала в высоту души, словно лебедкой, и притягивала желание, подобно магниту. И тогда все, что были за столом, стали отвечать: один – что тот злодей был бы достоин виселицы, другой – что колеса; кто говорил – что щипцов, а кто – чтобы в пропасть бросили; кто одну казнь предлагал, кто другую. Дошла наконец очередь и до тех бесстыжих рож; хотя разговор им и не по вкусу был, и начинали уже они, как говорится, видеть сны недоброй ночи, да деваться было некуда. А поскольку нередко там истина рот открывает, где вино играет, сами ответили они, что если бы кто дерзнул руку поднять на сей сладостный плод из сада Любви, того подобало бы в сточной канаве живым утопить.

И когда они собственными устами произнесли такой суд, принц сказал:

– Сами вы свое дело защищали, сами и приговор себе вынесли. Остается только, чтобы я повелел исполнить ваше ре-

шение. Ибо вы и есть те самые, кто, имея бессердечие Нерона и жестокость Медеи, разбили эту прекрасную головку, как яйцо, и несравненные члены ее тела измельчили в кусочки, словно мясо для колбасы. Итак, скорее, не будем время терять! Сейчас же пусть бросят их в самую большую сточную канаву нашего королевства, чтобы окончили они там презренную свою жизнь!

Когда все это было без промедления исполнено, принц выдал замуж младшую сестру тех потаскух за своего слугу, дав ей хорошее приданое, и устроил безбедную жизнь для отца и матушки Миртовой Ветки. И зажил он с феей в веселии; а дочери сатаны, горько и мучительно расставшись с жизнью, подтвердили верность изреченного древними мудрецами:

*дурная коза скачет,  
покуда за рога не схватят.*

## **Перуонто**

### **Третья забава первого дня**

*Перуонто, человек совершенно ни на что не годный, идет в лес собирать хворост, здесь делает доброе дело для уснувших под палящим солнцем трех юношей и в награду получает от них дар волшебства. Затем, осмеян-*

*ный дочью короля, посылает ей заклятие, чтобы она от него забеременела, что и происходит. Когда обнаруживается, что именно он является отцом, король заключает его в бочку, вместе со своей дочью и рожденными от него детьми, и бросает в море. Но Перунто силой своего волшебства избавляется от опасности и, превратившись в прекрасного юношу, сам становится королем*



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.